

ТАТЬЯНА ЛАТУКОВА

ПЯТЬ,

ВОСЕМЬ,

ТРИНАДЦАТЬ...

Татьяна Латукова

Пять, восемь, тринадцать...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42223956

ISBN 9785449657916

Аннотация

Хозяйка маленькой гостиницы в курортном местечке попадает в череду происшествий. Кто стоит за опасными инцидентами? Новый кавалер или старый друг? Давно потерянная родная мать или склочные соседи? Может, дело в забытой истории из мутных девяностых? Или в спекуляциях винного короля? Наташа Ладошкина ищет правильные вопросы, а простые ответы оказываются совсем рядом.

Содержание

Глава 1	5
1. Маленький отель	6
2. Новый сосед	11
3. За пустым столом	16
4. Честный расклад	25
5. Вылазка на чужую территорию	30
6. Потеря самооценки	34
7. Смерть воришки	41
8. Пришелец и аборигенка	44
9. Чистые дворы	49
10. Кандидатка в мачехи	54
11. Здравпросвет	59
12. Перерытые столы	67
Глава 2	70
13. Дорожное происшествие	71
14. Редди	74
15. Песок и волны	78
16. Тетис	82
17. Подозрительная авария	88
18. Сила духа	93
19. Топа-топа	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Пять, восемь, тринадцать...

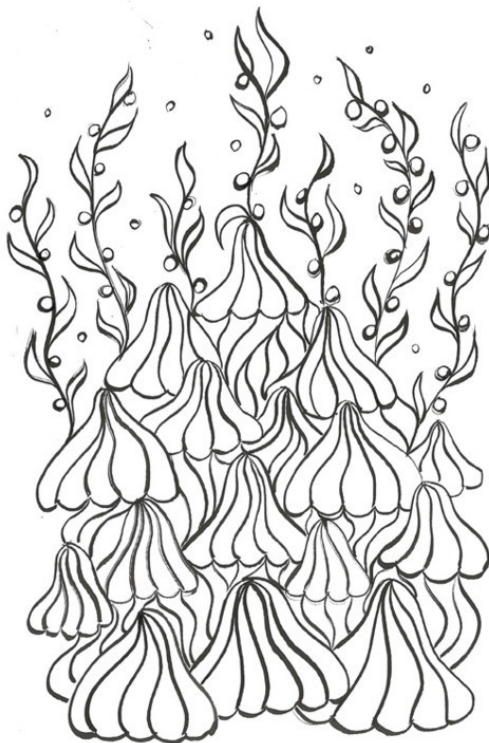
Татьяна Латукова

© Татьяна Латукова, 2019

ISBN 978-5-4496-5791-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1. Маленький отель

– Эге-гей! Эгей!

Редди пронёсся по двору и вскочил в кузов грузовичка. Протянув вперёд правую руку, он замер, пытаясь войти в образ памятника вождю.

Так себе памятник. Ничего общего с классическими советскими образцами.

Грузовичок стоял в луже. Лужа растекалась по песку, который нанесло с дюны. На некотором отдалении от грузовичка теснилась толпа любопытных отдыхающих – расслабленная и цветная масса людей, проматывающих время. От одного до другого края толпы незаметно смещался Сюр. Как бы прогнать его отсюда и куда подальше? У забора перебрасывались комментариями Володя и Маринка. Сезон заканчивался, и соседи отложили важные дела, чтобы посмотреть наше бесплатное представление.

Три человекоподобных существа тянули из кузова грузовичка старый сейф. Сейф лежал поперёк кузова, свешиваясь из него примерно на треть. Существа отдалённо напоминали сапиенсов, но нечленораздельные звуки, которые они издавали, заставляли предположить, что они и есть та потерянная ветвь эволюции, которую антропологи ищут где-то под землёй.

Редди нашёл сейф на помойке. И привёз ко мне. С гени-

альной идеей вскрыть это таинственное сокровище, озолотиться и махнуть в соседнюю галактику. На распродажу досок для сёрфинга. Серфингист из Редди – как из меня балерина. Да и мировые космические агентства вряд ли одобряют несанкционированные перемещения в соседние галактики. Но ведь главное – чтобы доска была космически крутой.

И как меня угораздило связаться с таким шалопаем?

На обитателях курортных мест вроде нашего лежит невидимая, но ощутимая печать уверенности в будущем. Кто-нибудь да придет. Сколько-нибудь коек да сдадим. Как бы плоха ни была ситуация в экономике, без рублика-другого не останемся. Лишь бы не было войны. Или урагана внезапного.

Мои дедушка и бабушка приехали сюда не за рубликами. Но остались, когда поняли, что три лачуги во дворике куда выгоднее грядки с помидорами.

Родственников со стороны деда Михаила я не знаю. Мать Мишеньки была репрессирована, отец погиб на фронте. После войны, приписав себе пару лишних лет, Миша окончил торговый техникум и тихо-мирно тянул лямку товароведа.

О семье Бабани, то есть бабушки Ани, известно и того меньше. Она родилась в Ленинграде, и её смутные детские воспоминания полны кружев, корзин с цветами и музыки, которую красивые люди играли на рояле. В начале 1942 года малышка осталась совсем одна рядом с этим роялем. Ей повезло – её нашли, вынесли, выходили. Но роялей она боится

до сих пор.

Пожились Миша и Аня скромно, жили в комнатке от фабрики, в столовке которой Аня трудилась поварихой. А в край пионерских здравниц семья перебралась после того, как их единственному сыну Сашеньке поставили диагноз туберкулёз. Через три года диагноз сняли, но уезжать было некуда и незачем.

Несколько десятилетий промоталось спокойно и неторопливо. Потом повеяли новые исторические вихри, и появилась я. Не то, чтобы вихри меня принесли, но так совпало, что перемены начались после того, как кулёк с младенцем плюхнулся на старый деревянный стол.

Бурные девяностые в нашей тёплой местности были отмечены лихорадочным переделом, строительством, азартом. В мутном потоке договорённостей, сделок, обманов, подстав и разборок кто-то вырывал свой лакомый кусок, кто-то терял всё.

Мой дед сумел вовремя договориться с директором разоряющегося северного заводика и выкупить у него только что приватизированный клочок земли с маленькими деревянными сарайчиками. Многие такие сарайчики в округе и по сию пору сдаются – пусть за смешные деньги, но всё же деньги. Дед сделал верную ставку на приличные деньги и снёс всё подчистую, запланировав построить три домика с хорошими гостиничными номерами по самым высоким мировым стандартам.

О мировых стандартах дед не имел никакого представления, и времени, отпущенного ему свыше, хватило на строительство только одного домика. Однако теперь этот домик кормил всю нашу семью, пусть и без излишеств.

К домику прилагалась будка у ворот, которую мы гордо называли ресепшеном. И мастерская – длинный барак вдоль забора, в котором дед мыслил биллиардную и библиотеку, но жизнь ткнула его носом в тот факт, что прежде, чем гонять шары, надо где-то стирать бельё. В полуподвале мастерской оборудовали прачечную и несколько кладовок, на чердаке – сушильню, а первый этаж поделили между собственно мастерской и парой жилых комнат.

Отец рос болезненным избалованным ребёнком, с белым билетом, который позволял ему не торопиться с образованием. Он и не торопился – до такой степени, что так и остался лишь со школьным аттестатом. Однако заботы о пропитании, выразившиеся в мало-мальском поддержании коек в рабочем состоянии, привели к тому, что отец выучился всем хозяйственным работам. Платить мастерам со стороны всегда дорого, да и мастера частенько халтурят. Отец сам занимался и сантехникой, и электрикой, и сваркой, и штукатуркой.

В нашей мастерской были все мыслимые инструменты от молотка до погружной пилы, от перфоратора до сложного фрезера. Иногда мне казалось, что отец занимается отелом только ради того, чтобы по осени купить себе новую и обя-

зательно высококлассную техническую игрушку.

Поэтому Редди припёр сейф ко мне. Я же смогу вскрыть этот металлический ящик. У меня наверняка найдётся нужная пила.

2. Новый сосед

За цирком с выгрузкой помоечного артефакта довольно долго наблюдал незнакомый мне мужчина. Он не был похож на запоздавшего осеннего отдыхающего или равнодушного чиновника. И у него было достаточно времени, чтобы потратить его на наблюдения за нашей вознёй.

Редди весело дразнился:

– Эй, Ладощка, подари мне три лукошка!

– Эй, Красный дед, подари сковородку котлет!

Незнакомец вдруг обнаружился совсем рядом, и я вежливо уточнила:

– Вы что-то хотели? Сожалею, но отель закрыт.

– Я ищу Наталью Александровну Ладощкину.

– Это я.

Чуть было не протянув незнакомцу грязную руку, я предложила:

– Подождите в переговорной. Это вон там, за стойкой ресепшен. Я сейчас подойду.

На превращение чумазой Ладощки в приличного человека ушло минут пять, и в переговорную я вошла уже строгой и серьёзной Натальей Александровной.

Мужчина положил передо мной визитку:

– Роман Алексеевич Колесников. Я арендовал отель «Ро-

зовая Надежда».

Ух ты... Вот это сюрприз. Сумасшедший сосед, да ещё под конец сезона.

– Очень приятно. Чем могу помочь?

Внимательный взгляд изучил моё лицо, мою грудь, мои руки, мои щиколотки, снова мою грудь, мои волосы, мои губы и остановился на тонкой цепочке, болтающейся на моей шее. О своих выводах насчёт моей внешности Роман Алексеевич ничего не сообщил, скучно объяснив:

– По планам мой внутренний двор граничит с кусочком вашего. Семь с половиной метров общего забора. Однако обмер показал, что там пятнадцать метров. Вы, как и владелица гостиницы «Лунный Кит», спрямили границы участка, прирезав к себе небольшой клин от моей земли. Он должен был бы вдаваться в ваши территории, но вы предпочли прямоугольную геометрию.

На кону мочало, начинай историю сначала.

– Я подготовлю для вас справку о состоянии границ с 1955 года. Включая объяснение всех устных договорённостей.

Ох, чует моё сердце, что ссылка на устные договорённости не прокатит. А установка клина в заборе означает снос тополей. Маринка будет недовольна.

Спрявление клина было её идеей, когда мы скидывались на общий забор. На ту пору тогдашний хозяин «Надежды» числился в международном розыске, и мы его спрашивать

не стали. Не выдавать же соседа из-за такой ерунды.

– У вашего отеля самая высокая квота по электроэнергии во всей округе, хотя отель, как я успел заметить, намного меньше прочих. Перераспределение квот было бы разумным компромиссом между соседями.

– Я подготовлю для вас краткий обзор этого вопроса.

Как бы ещё объяснить, что нам всем слово «квота» лучше вообще не произносить. Мы тут маленькие, скромные, все-все на одной розетке сидим. Любое перераспределение не в нашу пользу будет.

– Позавчера прошёл сильный дождь. У вас нет ливневой канализации, и проезд вдоль пляжа полностью затопило. Во время потопов вы используете проезд в переулок через «Бодрые Зарницы». Однако ни у нас, ни у вас нет альтернативного выезда. Если встаёт одна машина, блокируются все.

– Это не ко мне. Я была бы только «за». Но сливы надо делать у «Зарниц», а отель уже три раза перезаложен. Фактически это собственность банка. А решить что-либо можно только с конкретным собственником.

В дверном проёме замаячила физиономия Редди:

– Простите за беспокойство. Наталья Александровна, меня срочно вызывают на совещание у мэра. Но мы продолжим наши исследования при первой возможности. Я позволю вам, как выберу время.

– Всего хорошего, Радимир Агафонович.

У Редди изумительное имя, которое позволяет сбивать

темп и накал любого разговора. Да и упоминание мэрии придаёт Радимиру веса. Сейчас этого не требовалось, но Редди на всякий случай отыграл программу.

Роман Алексеевич удивился фантазии мамы Редди, и беседа покатилась к завершению:

– Я готовлю проект ремонта здания и благоустройства территории.

Надо было с полёта в космос начать. Вернее вышло бы. И дешевле.

– Чем смогу – помогу. Вы можете обращаться ко мне в любое время. Я почти всегда здесь.

– А давно?

– С рождения.

Внимательное сканирование моего лица не помогло Роману Алексеевичу в решении какого-то неведомого ребуса. Но он со значением ответил:

– Я тоже здесь вырос. Мои отец – хозяин «Империял-паласа».

Я мельком бросила взгляд на визитку. Колесников. Вот так номер. С этого бы и начинал. Плакали все мои квоты.

Встав, я светски-любезно прочирикала:

– Я пришлю вам всю информацию завтра, после пятнадцати часов.

– Я не тороплю.

– До свидания.

Несколько дней Роман Алексеевич исследовал свою новую территорию. Но туда, куда надо, не залез. Первым делом должен был бы проверить, куда и откуда трубы идут. А повёл себя как обычный горожанин. Кран повернул – вода потекла, и стоит довольный. И почему наследник Колесникова с пониманием гостиничной архитектуры не в ладах?

В пятницу вечером мы с Маринкой и Володей собрались на традиционную рюмашку и обсудили свои наблюдения. Соседи тоже заметили, что в хозяйственном устройстве отеля новый арендатор мало что смыслит. Но зачем тогда он его арендовал? Неужели Колесников старший не мог найти сыночку место поприличнее «Надежды»?

Ничего не понятно.

3. За пустым столом

Мы с отцом проводываем Бабаню по очереди. Это неудобно и отнимает много времени, но не бросать же старушку совсем в одиночестве. Бабаня живёт в своём старом доме, и все разговоры о том, что можно было бы занять апартаменты в отеле, воспринимает в штыки, как попытку нерадивых потомков отобрать последнее. Она ещё бодра и готова сутками резать свои сложные салаты, однако разум всё чаще подводит её, и я задумываюсь о том, что однажды она начнёт забывать выключить плиту. Пока до такого не доходило, но отдельные звоночки тревоги уже прозвучали.

Моё отношение к Бабане противоречиво и исполнено с одной стороны, детских обид, с другой стороны, взрослой благодарности. Она меня растила, учила всему, что знала сама, а в её строгой требовательности, стоившей мне многих слёз в детстве, не было собственно злости. Ей было за шестьдесят, когда вдруг оказалось, что надо растить ещё одного ребёнка. Это была непосильная нагрузка, и то, что Бабаня доводила меня до слёз, было результатом её внутренней усталости.

Лет в двенадцать я заявила Бабане, что хочу стать актрисой. Бабаня удивлённо подняла брови, а через неделю передо мной легло несколько листов убористого текста. Краткий перечень того, что мне надо прочесть, освоить, вы-

учить наизусть. Я начала учить какую-то пустяковую роль, а заодно выслушивать издевательские комментарии Бабани. Она твердила, что я некрасива, плохо говорю, нелепо двигаюсь, и никогда не смогу никому понравиться. Я упрямылась, но силы были неравны. И я сказала себе, что всё это кривляние на публику – не для меня.

Через какое-то время я увлеклась наблюдениями за улитками и червяками, которые обитали в нашем дворике. Да и пустоши вокруг лиманов кишели разной мелкой живностью. Я глотала книжки по биологии, ковырялась в маленьких норках и даже раздобыла рекламную брошюрку биофака столичного университета. Бабаня предложила мне ошипать и разделать курицу. С этим я справилась. Но потом за ерундовую провинность Бабаня растоптала большую виноградную улитку Аниску, которая жила у меня в стеклянной банке. Я была безутешна всё лето. С биологией было покончено.

За год до окончания школы я вообразила себя художницей. Я измалёвывала альбом за альбомом и уже мысленно представляла, как открываю выставку своих работ. Бабаня честно сказала, что по художественному профилю я не смогу никуда поступить. Во-первых, я не умею рисовать носы и уши. Во-вторых, у меня нет никакой протекции, а без этого делать в искусстве нечего.

В конце концов, я никуда не поехала. Но не потому, что поленилась или не могла придумать очередное призвание. Мамася, много лет стойчески терпевшая все загулы отца,

вдруг нашла себе другого мужчину. Эту находку, конечно, тоже надо было спасать, вытягивать со дна, воспитывать, но размах задачи требовал того трагизма и страдания, до которого мой родитель не дотягивал.

Отец, благосклонно принимавший свою роль спасаемого, остался без воспитания. И его хватил инфаркт. Заниматься привычными делами он не мог, да и Бабаня враз сдала и постарела. Пришлось мне подхватить семейную традицию и вжиться в образ скаредной владелицы курортных коек.

В первое лето работы я поняла, что мне незачем учиться далеко и абстрактно. Я могла учиться тому, что действительно нужно – и прямо по месту приложения знаний. У меня ведь есть то, что прокормит. Причём кормить будет только три месяца, а всё остальное время можно заниматься чем угодно. Путешествовать, веселиться, развлекаться.

К следующему сезону отец поправился, Бабаня приободрилась. Они пытались заводить разговоры о том, что мне уготовано светлое будущее в столицах или даже за границах. Но я-то уже была Натальей Александровной, строгой хозяйкой мини-отеля «Весёлые Ладочки», и я прямо заявила, что никакие столицы мне не нужны. Один из друзей отца договорился, чтобы меня зачислили в педагогический. Кое-как, на тройки я выскребла свой диплом. И теперь могу говорить, что он у меня есть.

Улица моего детства резко преобразилась на рубеже сто-

летий. На кусочках частного сектора быстро построились всевозможные отели. И вместо ряда однотипных трёхконных избушек с треугольными крышами возник сложный лабиринт вплотную втиснутых домов, которые подчинялись одной задаче: уместить на крохотной территории как можно больше номеров.

Во всём квартале остался только один старый дом. Хотя и он оброс высоким забором. Я поставила этот забор ради своего комфорта – чтобы не быть выставочным экспонатом для вечно глазающих отдыхающих.

Толкнув калитку, я втащила во двор сумку с продуктами, выпрямилась и удивилась. За покосившимся столом рядом с Бабаней восседал не кто-нибудь, а Роман Алексеевич.

– Здравствуйте, Наталья Александровна.

Повернувшись к бабушке, гость спросил:

– Может, вы помните серый дом на углу? Там ещё два чердачных окна было.

Бабаня нахмурилась и отказалась признать существование серого дома:

– Что за серый дом? Я все наши дома помню. Не было у нас серых. Был голубой, что порушили под магазин. Был зелёный со столбиками витыми. Был маленький розовый, что грузин для дочери-вертихвостки построил. А на углу дом Сидоровых стоял. Огромный, в три этажа, с балконами. Да оно и понятно – у Сидоровых-то денежки водились. А на перекрёстке башню строили, да не достроили, так палаточни-

кам коробку из стен и сдавали...

Гость не мешал бабушке вспоминать все дома в окрестностях, но я поймала на себе его пристальный взгляд. Вспомнить, что ли, пытается? Так я, наверное, ещё в пелёнках агукала, когда он отели скупать начал.

Серьёзное лицо, но без суровости. Хотя улыбаться до ушей Роман Алексеевич вряд ли умеет. Брови хмурит часто, и морщинка поперёк лба уже пролегла. Выбрит чисто, да и весь аккуратный, одежда простая, но не из магазина распродаж. Взгляд спокойный, уверенный. Знает человек, зачем на белом свете живёт. И знанием этим горд и доволен.

Интересный, однако, сосед нарисовался.

Хотя так откровенно пялиться на него необязательно.

– А вот когда старую избу Кутиковых в кирпич забрали, я Мишане сразу сказала, что не от ума этот кирпич. И точно, как в воду глядела. Влетела в стену машина пьяницы, весь кирпич и посыпался. А серого дома у нас не было. Точно говорю, что не было...

Я занялась привычными делами. Дотащила сумку до кухоньки, разложила продукты, проверила состояние спальни и санузла. Собрала забытую в комнате посуду, наскоро её сполоснула, поправила покосившуюся раму...

И вспомнила серый дом. Точно – с двумя оконцами-глазками. В этом опрятном домике жила милая старушка. Именно я вспомнить не могла, но почему-то представляла себе большой фартук.

Вытерев руки, я вышла, присела к столу и встряла в бубниловку Бабани:

– Возле серого дома росли розы высокие. Они опирались на палочки с перекладинами. Цветки тяжёлые всегда вниз склонялись, а когда осыпались, внизу ковёр из лепестков получался. Нам давали саженцы роз из того дома, но они не приживались. Ни у кого не приживались. А в сером доме были.

Роман Алексеевич кивнул и улыбнулся. Не до ушей, но и не скупно.

– Да. Роз было много.

Бабаня раздражённо заспорила:

– Что ты придумываешь? Не приживались. У меня всё приживалось. И розы всякие, и ромашки на толстых стеблях пушистые, и с маленькими лепестками цветочки, забыла, ну, подскажи мне, жёлтые такие.

– Нюхотки.

– Вот. Всякие цветы были. И помидоры. У нас самые лучшие помидоры были. Вот кого хочешь спроси – любой скажет, что таких помидоров, как у Ладошкиных, нигде не найти.

В моей памяти всплыло пятно, издающее страдающие звуки.

– А ещё в сером доме кот был. Рыжий такой, толстый, ленивый. И он совсем не царапался. Старушка, что в доме жила, его из хрустальной вазочки кормила.

– Это моя бабушка. Мария Григорьевна.

– Она не пускала постояльцев. И летом вся улица ходила к ней на посиделки. Во всех дворах сидели курортники, а у неё – только свои. Но дом снесли, когда я маленькая была, я и не помню ничего... Хотя нет, помню, пианино было. Мамася всё боялась, что я уроню на пальцы крышку от клавиатуры.

– Меня в детстве учили на нём играть. Мама считала, что музыкант – самая хлебная профессия в мире. Если не в консерватории, так в кабаке заработать можно.

Бабаня напрягла память и выдала:

– Что-то я не помню никакого пианино. Это не у Машки пианино было. Это у Донковых баян был.

– Ты, Бабаня, гостя за пустым столом держишь. Нехорошо.

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я гулял по старым тропкам-дорожкам, но всё сильно изменилось, потом увидел ваш дом, решил зайти. И с моей стороны нехорошо с пустыми руками являться. Так что отложим застолье.

– Всё равно. Вы любите булочки с маком? Могу ещё с корицей предложить.

– Не надо суеты, Таша. Ты ведь Таша, да?

Ташей меня иногда называет отец, добавляя к Таше ещё и Гуашу. На одном местном наречии «гуаша» означает «княгиня», и отцу кажется, что Таша-Гуаша звучит благородно. Такие своеобразные представления у него о благородстве.

– Ты маленькой тихоней была. Светленькой, пушистой. Я малышей не очень-то примечал, но ты точно к бабушке приходила.

Пушистая. Это где-то на уровне кота.

– А меня вспомнишь?

Этот мужчина не торопит с ответом, но и ждать долго не будет. Выражение лица приветливое, хотя в этой приветливости есть привычка. И злость под маской не спрятана. Сам по себе человек спокойный, без вздорности и эмоциональных вспышек. Взгляд и задумчивый, и немного рассеянный. Часть мозга явно застряла в каком-то другом месте.

Интересно, а жена у него есть? Или подружка?

Не-не-не, эту тему развивать не будем...

Роман Алексеевич не дождался ответа и представился:

– Я – Рим.

Мощная заявка. А можно я тогда Византией буду?

В памяти закопошились обрывки воспоминаний о школьном скандале. Старшекласник заспорил с училкой на уроке истории. Отстаивал тонкости бытия вечного города. Спровоцировал училку на сердитую отповедь. И в запале бросил, что готов ответить за весь Рим. Училка этого так не оставила, и упрямого знайку хорошенько пропесочили за неуважение к учительскому труду и учебнику истории.

Роман, защитник Рима. Выходит, это он и есть.

Скандалы со старшекласниками меня по малолетству не занимали. Но Бабаня и отец неоднократно обсуждали ду-

рость школьных мегер, сожалея, что мальчику зарубят золотую медаль.

Прилично будет спросить, зарубили или нет?

– Таша, ты в отель поедешь? Подвезёшь меня?

– Я не поеду. У меня нет машины. Я хожу пешком.

Рим удивился и уточнил:

– И до отеля пойдёшь?

– Полчаса всего.

– Хорошая практика. Но у тебя плохая обувь.

Это вообще не моя обувь. Только как это объяснить? Знаете, Рим, я взяла туфли у Зойки, потому что её шпильки взяла Ольга, а Зойке в туфлях жмёт, они чуть меньше размером, и поэтому она попросила мои тапочки... Ему всё равно не понять.

Распрощавшись с Бабаней, я отправилась домой. В компании Рима. У него оказалась мягкая, пружинящая походка. Передвигался он легко и вроде бы по-спортивно, но основательно, неторопливо. Наверное, если бы он пошёл в своём темпе, я бы его не догнала. Но он подстроился под меня.

Красивый мужчина. Прямо приятно рядом пройти.

4. Честный расклад

Разговор не клеился.

Сначала я сделала заход в сторону погоды:

– Год сложный выдался. То холодно, то жарко, то дождей много, то засуха. Отдыхающие какие-то мелкие пошли. Всё жмутся, всё капризничают. Но ведь и их понять можно. Ситуация-то в стране какая. Не разбежишься по морям гулять.

– Да. Наверное.

С тем же успехом можно обсуждать чемпионат по сёрфингу в соседней галактике.

Второй попыткой стала наводка на Бабаню:

– А бабушке уже за восемьдесят. Вы не думайте, что она совсем без памяти. Она хуже вспоминает, когда что-то конкретно надо вспомнить. А вообще только так словами разливается.

– Не объясняй. Я понимаю.

Пропала тема.

Выразительно вздохнув, я решила пойти ва-банк:

– Знаете, Рим... Раз уж вы свой, я вам честно расклад обрисую.

– Попробуй.

– Вы выбрали плохое место, плохой дом и плохую репутацию.

– Поясни.

– У «Надежды» одна стена тухлая. Та, что торцевая и выходит к забору. Внутри по стене плесень поднимается. И никак её не одолеть, пока угол стены заливается. Вы лужу около меня заметили, а то, что у вас поток под грунт уходит и в подвале застревает, не поняли. Можете, конечно, машину-другую бетона туда жахнуть, но воде всё равно надо куда-то уходить. Она пойдёт вдоль фасада...

Я открывала Риму непонятные для него стороны бытия. Он вслушивался в мои слова очень внимательно, но я чувствовала, что он не улавливает причинно-следственных связей между плесенью на стене и водой вдоль фасада.

– Штукатурка на той стене на честном слове держится. Её подкрасили, но мимо лучше не ходить, а если ходить, то в каске. И самый главный косяк – то, что дом неровно стоит. Сами знаете, как у нас строят – как пришлось, так и натяпали. Но в «Надежде» натяпали так, что по третьему этажу тележки сами по себе от стены до стены прокатываются. Уклон есть заметный...

Уклон Рим успел заметить, но до этого момента он связывал его, видимо, со вспышками на солнце. Мысль, что сам дом кривой, не приходила ему в голову. Он явно обрадовался простому объяснению. Кто же он такой?

– По-хорошему, дом надо сносить и новый строить. У меня ещё два владельца назад была возможность присоединить этот кусок. Мы с Маринкой хотели его вскладчину забрать. Походили, посмотрели и отказались. За участок получается

нереальная цена. А в дом вкладываться незачем...

Рим начал приунывать. Но я никак не могла смягчить вывод:

– Вам даже частично отбиться не с чем. Водогрейки старые, на выброс. Холодильника ни одного приличного нет. Сантехника убитая. Кондиционеры не чищены десять лет, вопрос, есть ли ещё работающие. В общем, тот человек, кто вам посоветовал арендовать «Надежду», нагрел на вас руки.

– Мне никто не советовал. Я сам все варианты перетряхнул и выбрал то, что казалось подходящим.

– Расторгните договор, пока не попали на крупные и бессмысленные траты. Если хотите, я сведу вас с толковым агентом и прослежу, чтобы не было осечек. Хотя это, конечно, наивно с моей стороны.

– И я знаю, о чём ты подумала. Если бы я спросил отца, то не оказался бы в столь глупой ситуации. Но я не хотел ничего спрашивать. И сел в лужу.

Круто. Не каждый так спокойно признается в собственном промахе.

– Вы хотели переплюнуть гостиницу отца?

Рим улыбнулся и объяснил затею:

– Я врач, Таша. Я хочу открыть свою клинику.

Я представила себе фасад улицы с вывеской «Медицинский центр». А рядом баннер с перечислением услуг: МРТ, УЗИ, анализы. С одной стороны, неплохо. Врач рядом – полезная опция. Но и клиника – напоминание о бренности бы-

тия, о лекарствах и процедурах. Одно слово «анализы» наводит ужас на большинство населения. Все ассоциативно представляют себе очередь в городской поликлинике. Кашляющие бабки, митингующие старики, беременные без очереди, сумасшедшие инвалиды – и через пять минут начинает казаться, что апокалипсис уже наступил, только объявление в небесах забыли прикрутить. А к нам люди приезжают веселиться и радоваться жизни. «Анализы» точно будут отпугивать.

– Ты так выразительно поморщилась. Тебе не нравится идея клиники?

– В первую же неделю кто-нибудь из моих гостей спросит, не проникают ли ваши рентгеновские лучи на нашу территорию. И не мешают ли они во время ночного отдыха. И не пора ли мне выдавать постояльцам шапочки из фольги для защиты от иноземных технологий.

Рим улыбнулся:

– Будешь отправлять всех ко мне. Ты ведь не гонишься за бедными постояльцами, а значит, твоим гостям будут по карману мои услуги.

Наташка, а ты под колпаком у Рима. Будь осторожна.

В питейной лавке Арамыча торчал Редди. Увидев меня, он схватил детскую игрушку – голову лошадки на палке, прогарцевал от лавки к калитке отеля и приветствовал меня и Рима заливистым ржанием.

Я, значит, умное лицо делаю, разумные мысли придумываю, благоприятное впечатление адекватной деловой женщины произвожу. А Радимир Агафонович в десять секунд оставляет от моих стараний рожки и ножки.

Редди протянул руку Риму и после короткого рукопожатия повернулся ко мне:

– Ладощка-Тотошка, мой верный Игогошка готов унести нас в страну волшебных мистерий. Поскачем за горизонт в лучах заката?

Редди давно обещал свозить меня на шоу с джигитовкой, и я нетерпеливо уточнила:

– Ты договорился?

– Ага. Я же мастер переговоров.

Я быстро попрощалась:

– До свидания, Роман Алексеевич.

Редди перебросил лошадку через забор и галантно распахнул передо мной дверь своей новой машины:

– В путь, подружка, нас ждёт шоу и полная кружка.

5. Вылазка на чужую территорию

По выходным Романа Алексеевича носило где-то в городе, поэтому для вылазки на его территорию мы с Редди выбрали воскресенье.

В голливудских боевиках за незаконное проникновение на чужую территорию можно схлопотать вполне легитимную пулю. Но в нашей реальности, где повсюду бродят очумелые курортники, такие методы означали бы существенное сокращение доходов. Люди у нас любопытные, и если вам надо что-то прорекламирровать, рекламный стенд надо размещать за дыркой в заборе.

Мы с Редди не заморачивались законом, перелезая забор соседнего отеля. Вряд ли кто-то поверит, что мы можем заблудиться, но и оправдание «захотелось посмотреть» будет воспринято как вполне адекватное. В штурме забора не было необходимости, решётчатая калитка с улицы запиралась на обычный засов, однако какой интерес зайти через калитку, когда так заманчив дух авантюры? И не пришлось обходить весь квартал по улице.

Редди, помогая мне спуститься с забора, с трагической интонацией спросил:

– Когда меня посадят, ты будешь посылать мне нежные открытки?

– Я даже приеду к тебе в качестве живой открытки.

– Тогда ладно.

Издалека «Розовая Надежда» казалась белоснежной, но вблизи на неё будто накидывали мелкую серую вуаль. Само здание с гостиничными номерами меня не интересовало. Я быстро направилась к столовой. Вход в подвал был закрыт на проволочку – как я и предполагала, о замке Роман Алексеевич не задумался.

Я прошлась туда-сюда по лабиринту подсобных помещений. Редди перехватил меня за руку и показал на куль тряпья в углу одной из кладовок.

Из тряпья торчала мёртвая нога.

Переглянувшись, мы с Редди улыбнулись. Нет, не потому, что мы циничные мерзавцы. Просто мы перевидали много мёртвых ног.

Во время сезона великий Посейдон забирает с нашего побережья хотя бы одну жертву в день. В раздражении он может забрать и пять, и десять. А в припадке злости баллов на семь, его аппетиты возрастают до двадцати.

Мы частенько видим тела тех, кто проиграл в лотерею «выйти на берег живым». Неважно, как хорошо вы плаваете. Неважно, насколько мелкий у нас пляж. Неважно, что штиль и нет ни дуновения ветерка. Ступив на мокрый след волны в надежде, что следующий накат замочит ваши ступни, вы уже играете.

Пока я была занята этими досужими размышлениями, Редди подошёл поближе к тряпью, присел и осмотрел ногу:

– Это не утопленник.

Редди виднее. Он регулярно спасает утопающих. Счёта неудачам он не ведёт, но в утопленниках, очевидно, разбирается лучше меня.

– Не трогай его. Надо в полицию позвонить.

– Может, уйдём тихо?

– Мы наверняка наследили. Признаемся в этом сами.

– Давай-ка сначала осмотримся.

– Не подходи близко, мало ли, вдруг он чумной?

Покойник был завёрнут в старые одеяла. Такие одеяла есть у всех, их раньше в пионерлагерях выдавали. Но сейчас они часто используются как подстилка или тряпка, и те рваные, что достались трупы, определённо отжили свой век. Одеяла были замотаны обычной синтетической верёвкой. Мотали наспех, неаккуратно. Узлы на верёвке были самые обычные, без морских выкрутасов.

– Смотри, Ладощка. Тело пытались сложить, чтобы тук покороче сделать. Наверное, выносить собирались. Размер ноги сорок три – сорок четыре. Думаю, это мужчина. Что такое «педикюр», он не понимал в принципе.

– И зачем его затащили сюда, если собирались выносить?

– Затащили, чтобы спрятать на время. Кто-то, как и мы, знал, что здесь никого нет. А новый арендатор, как я слышал, очень умный доктор, но в гостиничном бизнесе несколько не разбирается.

– Может, тело – это подянка доктору? Месть? Или шан-

таж?

– Или оригинальная реклама. Несчастный больной рвался за помощью в клинику гениального врача, но погиб, не преодолев последних ста метров пути.

– Так уж прям и гениального.

– Точно, что упрямого. Романа из столичной клиники выгнали за скандал чуть ли не с министром. Великий цезарь опровергал какие-то общепринятые догмы, а министр держался за старый учебник. На том карьера цезаря и закончилась.

– Выбираемся. Вечер уже. До ночи в объяснениях погрязнем.

Городок у нас не так, чтобы маленький, но и не большой. Редди знают все. А у меня среди полицейских особая слава. Как иначе, моя полиция меня любит. Однако, это не означает, что полицейские избавят меня от прохождения через конвейер оформления тысячи бумаг. Очень жаль.

6. Потеря самооценки

Сейф меня раздражал. В нём что-то вызывающее. Он бросался в глаза. Он торчал из любого угла наблюдения. И он был намертво закрыт. Один подозрительный тип, приглашённый Редди для консультации, потыкал в замок своими тонкими железками и объяснил, что замок сломан, и просит дверцу пропилить. После этого мужчины выразили уверенность, что как-нибудь на досуге я с этим справлюсь, и удалились, чтобы пропустить по стаканчику у Арамыча.

Справляться мне было недосуг, но и оставлять металлического монстра пожирать моё пространство я не хотела. Распечатав из интернета штук пять руководств по домашнему вскрытию сейфов, я запасла набор дисков, стащила к сейфу все три болгарки, что нашла, нацепила очки и проделала первый надрез.

Как только болгарка стихла, сейф вежливо сказал мне: «Здравствуй». Минуты три я на него тарасилась, тщетно пытаюсь вернуть вселенную к адекватности. Потом заметила, что это вовсе не сейф заговорил. Это говорящий сосед пожаловал.

Отложив инструмент и стащив очки, я встала и придавала своему тону максимум непринуждённости:

– Я приношу свои глубочайшие извинения...

Вдвинувшись в центр мастерской, Рим перебил меня

на полуслове:

– Не утруждайся. – И протянул мне мятый лист бумаги с цифрами.– Это ведь твоя шифровка?

Редди, конечно, молодец. Успел сделать, о чём договаривались. Но Редди – редкостная растяпа. Кто оставляет такие улики? Ладно бы платочек уронил. Или зажигалку. Но саму шифровку оставить? Это за гранью.

– Может, пояснишь, что это означает?

– Это показания ваших счётчиков. Вода. Свет.

Столь простая информация с трудом пролезла в сознание Рима. Обдумав сказанное и решив, что я всё-таки не шутила, он уточнил:

– Ты заподозрила, что я вверну в твою трубу отводной кран?

– Вроде того.

Никто и никогда не подозревал Романа Алексеевича в вульгарной краже. В неуважении к учебникам – это да, пожалуйста. Но вода? Почувствуй себя, Наташка, персонажем из сатирических фильмов про коммуналки. И надо полагать, цезарь решит, что я всех сужу по себе, а значит, мне оттяпать кусок чужой воды – раз плюнуть.

Пока я соображала, как извернуться из неловкой ситуации, Рим осматривался.

Часть мастерской занимали стеллажи с инструментами. В углу стояла пара шкафов с разной мелочёвкой. В дальней перегородке торчало две двери, и через одну открытую был

виден кусочек моей кровати. У стены с окнами стояло два больших верстака. Один ещё сохранял пяточок пустой поверхности. Второй я использовала как свой рабочий стол, поэтому по дальнему периметру его украшала многослойная стена из разных бумаг, а в центре, на скоплении хаоса листочков лежал мой ноутбук. Под верстаком располагалась выставка принтеров. Они у меня почему-то быстро ломались и скапливались.

Взгляд Рима по кругу вернулся к сейфу. После довольно длинной паузы Рим потрогал край сейфа и спросил:

– Зачем ты это делаешь?

– Хочу узнать, что внутри.

Покосившись на инструменты, он заметил:

– Опасные штуки.

– Знаю.

– Они тебе не по силам.

Я пожалала плечами и любезно предложила:

– Хотите сами попробовать?

– Нет. Руки будут трястись.

Рим сжал пальцы в замок, вывернул их, потянулся и махнул рукой в пространство перед собой:

– Встань и выпрямись.

А это мы в школьную линейку играем? Вдвоём? Вот так сразу?

– Ты мне кое-что объяснила. Давай и я тебе объясню.

Мне бы маленький намёк на сферу этих объяснений.

– Не бойся. Я до тебя дотронуся. Но ничего плохого не сделаю.

Осталось понять, где у цезаря границы «плохого».

– Не придумывай ерунды. Я врач, ты пациентка. Моя задача – помочь тебе. Твоя – довериться мне. Я не буду касаться деликатных зон. И если вдруг тебе станет некомфортно, ты сразу мне об этом скажешь. Любыми словами. Я исключу то, что неприятно.

Треснуть его молотком по голове я ведь успею?

– Вдох. Медленный выдох. Ещё.

Одна ладонь легла на моё плечо, вторая погладила спину, и по спине пробежались кончики пальцев. Касания казались лёгкими, но в какой-то точке нажатие пальцев отозвалось чувством неустойчивости.

– Вот. Здесь. И здесь. Чувствуешь?

Тёплые мурашки поползли вдоль позвоночника.

– Вся спина зажата.

Несколькими движениями Рим развернул мои плечи, заставив свести лопатки. Кажется, они ещё никогда не были настолько близки друг к другу. Ошеломлённое сознание выдало сигнал «Эй, я не пластилин!»

– Ты не занимаешься своим телом, и оно тебя подводит. Прежде, чем хвататься за тяжёлый инструмент, могла бы и подкачаться немного. Зарядка – это пустое слово, да? А тренировка – тем более?

Ой, что это было? Моё тельце для такого не создано.

– Теперь встряхнись. Да не так. Ты же не простыня на верёвке. Двигайся легче, свободнее. И не сутулься. Последи за собой и обретёшь осанку королевы.

Нет, не хочу я в королевы. Оставьте меня болтаться на верёвке.

– Глубокий вдох. Медленный выдох. Это что ты изображаешь? Приступ умирающей дамы с камелиями?

Нет, это ёжик, который забыл, как дышать.

– Сядь. Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре года.

– Такими темпами к тридцати убьёшь поясницу. К сорока – тазобедренные суставы. Надумаешь родить – заполучишь грыжи по всему позвоночнику.

– Я от природы не гибкая.

– Значит, тем более надо поддерживать форму. И не заставляй меня думать, что ты от природы не очень умная. Я уже уверился в обратном. Как-то жаль разочаровываться.

Жаль, не жаль, а придётся.

– Руки у тебя слабые. И от болгарки тебя всю трясёт вибрацией. Мозг отчаянно хочет спастись и зажимает всё, что может зажать. Но ты этого не понимаешь. И не знаешь, как правильно снять напряжение.

Сейчас меня за это казнят. Удушением.

– И с шеей беда... За что ты так себя не любишь?

Полная потеря самооценки. Так Маринка скажет. У неё диплом психолога в шкафу лежит. И в голове с десятков фраз

по теме застряло. Ей больше не надо. Она и на этом богатом материале учит людей жить. За деньги.

– Медленный вдох, осторожный выдох. Всё, расслабься, как удобно. Нет! Только не нога на ногу!

Ой. Я же испугаюсь. И прямой шваброй буду три дня ходить.

– Вот что я тебе посоветую. Начни с утренней разминки. Простые растяжки, пара силовых элементов. Дополни упражнениями в середине дня. Любишь ходить – ходи в спортивной обуви, не сутулясь и не нося тяжёлых сумок. И вечером несколько асан помогут лучше заснуть.

– Что поможет?

– Йога.

– А, это я знаю. Шавасана, важнастана, мудрасана.

Рим улыбнулся, и эта улыбка вывела меня из себя. Чёртов доктор! Да я ему не то, что труп подкину, я у него в подвале крыс разведу! Толстых наглых серых крыс!

– И сделай пару курсов массажа с перерывом.

– Я не люблю массаж.

Это я зря сказала. Если воровки воды хоть как-то вписываются в картину мира Романа Алексеевича, то те, кто не любят массаж, располагаются вне этого мира, в адских измерениях.

– Ладно, Таша, я пойду. Не буду мешать. Можешь гробить свой скелет дальше.

Я знала, что он услышит звук болгарки. И я искромсала

всё, что попало под руку. А заодно доломала дурацкий замок сейфа. Доломала – в смысле окончательно испортила. Сейф не открылся.

Только на следующий день я осознала, что вообще-то мне не свойственна такая резкая энергичность. Я в кресле расслабленно пылиться люблю. Нога на ногу.

Нельзя подпускать этого доктора к себе. Он знает, где у меня какие-то потайные кнопки.

7. Смерть воришки

У Тараскина было имя. И даже отчество. Более того, у Тараскина были погоны и звание. У Тараскина был даже пистолет. Но все называли его просто Тараскиным. Так запечатлелось.

Ко мне Тараскин относился если не с придыханием, то с затаённым страданием. Поэтому наш разговор протекал буднично-деловито, но с подтекстом, понятным только самому Тараскину.

На столе лежала фотография мёртвого человека.

– Около тридцати лет, 168 сантиметров ростом, сложение астеническое, мышечная масса рыхлая. Брюнет, глаза карие, лицо круглое, широкое. Физической работой не занимался. На плечах и спине татуировки, по всей видимости, тюремные. Неоднократно и сильно бит, много следов старых переломов костей. Вы его встречали?

– Это Сюр. Я не знаю настоящего имени. Последние несколько лет он появляется во время сезона. Он воришка. На пляжах ему неуютно, там слишком уж всё на виду. Его стихия – вечерний шопинг. Сами знаете – ряды ларьков на проходах к пляжу у нас тесные, маленькие. А заняться людям нечем. Поэтому отдыхающие плотной толпой прутся за магнитиками, стаканчиками и прочей сувенирной ерундой. Ну и выпить, само собой. В позапрошлом году Сюр по-

пался у прохода возле пансионата банка, его сильно избивали, но, насколько я помню, расследования не было. Он куда-то уполз и отлежался. В прошлом году Арамыч его заметил и припугнул, чтобы он у нас не показывался. Однако я его совсем недавно видела. Он крутился в толпе зевак.

– Три года он здесь гастролировал. Причём избивали его регулярно, в основном, сами владельцы магазинчиков. Крал он преимущественно у мужчин, причём у тех, которые заносчивы и уверены, что уж они-то жертвой никогда не станут. Есть мнение, что многие из них не сообщали о кражах.

– Сюр производил впечатление человека не от мира сего. Даже если он воровал много, то вряд ли мог распорядиться деньгами. Известно, кто он и откуда?

– Пока нет.

– Как его убили?

– Забили насмерть. Чем-то тяжёлым били по голове. Вероятно, убийца выше ростом. Явных следов не оставил.

– Сюр что-то украл, кто-то очень разозлился и принялся его избивать. А когда опомнился – испугался и стал придумывать, как спрятать тело?

– Убили не в подвале, а в закутке за столовой. Сюр, наверное, хотел спрятаться, затаиться, но его увидели. Убийца замёл следы, но кровь осталась и на заборе, и на траве. А упаковка трупа в одеяла могла быть нужна только по одной причине. Убийца собирался вывезти труп и захоронить его, а скорее утопить. Ни вы, ни Марина Волошина, ни Владимир

Носов не увидели бы ничего особенного в том, что к воротам «Надежды» подъехал фургон, и в него загрузили мусор.

– Честно говоря, я не слежу за «Надеждой». Марине мало, что видно, а Володя не любопытен. В прошлом году у нас пьяные вандалы калитку выломали, так Володя ничего не заметил. Или не захотел заметить, что по результатам – одно и то же.

– Вы не следите. Но вы залезли на чужую территорию.

– У нас с «Надеждой» сложная история конфликтов из-за воды.

– Поэтому вы посоветовали Колесникову избавиться от отеля?

– Роман Алексеевич показался мне человеком добрым, но слабо разбирающимся в проблемах «Надежды».

– Юристы старшего Колесникова строятся в клин асфальтовых катков, намереваясь оплатить своё трудовое время за счёт владельцев «Надежды» и их посредника. Вы крепко испортили отношения с соседями. И вода – это цветочки.

– Добрые дела не остаются безнаказанными.

– Присмотритесь к тому, что творится в округе.

– Конечно.

8. Пришелец и аборигенка

В представлениях Рима «потом» означало «быстро». И застолье у Бабани он организовал с лёгкостью и щедростью, которые поселили во мне чувство зависти. Одна машина привезла еду, вторая – экраны, компьютеры, колонки и прочую технику, третья – гирлянды цветных лампочек, четвёртая – большой мангал на колёсиках. За полтора часа наш старый дворик превратился в изысканное место с заграничной рекламой.

Это была уже пятая или уже шестая вечеринка по случаю возвращения Рима в родные края. Она считалась ностальгической, то есть гостям предлагалось минут пять погрузиться над школьными воспоминаниями, и только потом переходить к веселью.

Друзья Рима приезжали и уезжали свободно, кто когда хотел. Кто-то был один, кто-то с парой, были и компании, радостно высыпавшиеся у калитки целыми микроавтобусами.

Бабане досталась почётная роль заместительницы бабушки Рима. Она полностью очумела ещё до начала застолья, но восседала во главе стола, отказываясь хотя бы немного отдохнуть. Меня мимоходом представляли как «ту пушистую малышку». Многих гостей я, разумеется, знала. Однако когда приехали Дон с Зойкой, мне стало как-то комфортнее.

Внимание Рима к здоровью скелетов и йоге поселило

во мне уверенность, что он наверняка трезвенник и поборник здорового образа жизни. Однако оказалось, что он очень даже не дурак выпить, хорошо закусить и мимоходом потискать одноклассниц. Пара одноклассниц щедро выдала Риму улыбки, которые я назвала бы даже не авансами, а приглашениями. И никого из них Рим не упрекнул за сутулость. И никому пальцами в спину не тыкал.

Ближе к ночи, когда песни уже отзвучали, Рим приземлился рядом со мной и протянул бокал с вином:

– За пришельца, вернувшегося на родную планету! То есть за меня!

– За тебя.

– И всё? А никак нельзя ко мне тот же этикет применить, что и к Пашке Донскому? Почему ему достался поцелуй? А мне нет? Мы с ним, если хочешь знать, за одной партой сидели. И в медицинский вместе готовились.

– Я на свадьбе Дона свидетельницей была. Мы с Зойкой подружки.

– Как чуден мир... А ты, вообще, видела мир? За границей была?

– Да. Я слетала в Италию и Германию. Но мне нечего там делать. Ходить по музеям – скучно. Это как перебирать большой сундук с безделушками. И все сундуки похожи один на другой. Сидеть в кафе и глазеть на толпу – ещё скучнее, чего я в толпе не видела? А участвовать во всех этих походах и экспедициях – зачем? Чтобы валяться в грязи?

– Ничего ты не понимаешь в грязной романтике.

– Я помогала старшим, сколько себя помню. Мне хватило самой вульгарной и неприятной грязи. И я много лет спала летом на чердаке, где было душно и страшно. Зачем мне такая романтика? Я сыта убогим бытом на всю жизнь.

– Но ты осталась здесь.

– Так сложилось. У меня не было выбора. И мне надо кормить бабушку и отца. Без меня они пропадут.

– Очередной когнитивный диссонанс от тебя. Вижу юную красотку-озорницу, а слышу интонации ответственной кормилицы семьи.

– Два комплимента в одном. Ты мастер приятного слова.

– А что тебе нравится? У тебя есть любимое дело? То, от которого не сможешь отказаться? То, что ты будешь делать и без денег, и без славы – только потому, что это твоё?

– Мне нравится то, что я делаю. Я привела всё в порядок. У меня чисто и аккуратно, мои гости не замечают быта... И я только-только перевела дух после гонки на выживание. Я ещё не успела отдышаться и насладиться порядком. Хочу пару лет провести спокойно. А там видно будет.

– Сытое спокойствие убивает талант.

– Я в Италии ходила в школу рисования. Мне казалось, что я взмахну кисточкой и обрету себя. Но нет, оказалось, что живопись – это долгая, кропотливая работа, что нужны навыки и знания. Я рисую иногда, когда мне грустно. Только это не талант, это настроение.

– А я медициной увлёкся, когда бабушка умирала. Думал, в онкологию пойду, а потом на кости потянуло.

– Твои родители тебя поняли?

– Как сказать. У меня мама врач, и она считала, что я не справлюсь, сбегу из института. А отцу всё равно, он только спросил, сколько денег мне в чемодан положить.

Дон подтащился к нам с бутылкой, долил бокалы и невозмутимо выдал:

– Рим, дружище, никто не сомневался, что ты положишь глаз на самую красивую девчонку побережья. Но будь осторожен. Один из наших лучших спасателей прочно держит оборону вокруг предмета своих романтических грёз.

Я смутилась:

– Дон, ну что ты болтаешь.

Рим сдержанно улыбнулся и отчалил к каким-то вновь прибывшим друзьям.

Обратное превращение сияющего гирляндами волшебного парка в заурядный, запущенный, убогий дворик прошло быстро и организованно. Будто фея взмахнула своей палочкой и стёрла краски. Хорошо, что хотя бы один сказочный вечер останется в памяти, но всё равно немного грустно.

Утром я изучила себя в зеркале. Вроде бы ничего особенного. Наташка как Наташка. А корону красоты внезапно вручили. Подозрительно это как-то. Все, кроме влюблённой Зойки, понимают, что для Дона люди – это ходячие крове-

носные системы. У меня что, какая-то особенно интересная система капилляров нарисовалась?

9. Чистые дворы

Семён Торюхин шутки шутить не будет. А Вадик Торюхин шутки не будет шутить тем более. Братья Торюхины не шуткари какие-нибудь. У Торюхиных никто не шутит. Не дело Торюхиных шутки шутить...

Вадик и Семён давили на меня с двух сторон, энергично применяя нехитрый приём демонстрации своих тяжёлых тел. Два пивных живота опасно раскачивали стол, и атмосфера казалась напряжённой. Но я знала, что надо спокойно и терпеливо дать братьям повыступать. Закончив не шутить нешутки, они угомонятся, и мы обсудим проблемы – без всяких шуток.

Опять же, волнение соседей я понимала. Вот только ты расслабился на дачке, с шашлычком да винишком, а тут и арендатор убежал, и труп прибежал, и полиция задаёт вопросы о воде, а они знать не знают ничего ни про какую воду. Не брали они мою воду. И трубу мою не трогали. И вода у меня грязная, с примесями. (Подавись ты этой водой, жадная стерва!)

Куда перенаправить мысли хозяев «Надежды» я уже придумала, поэтому как только эмоции стали затихать, со значением выдала:

– Вы не думали, что Колесников цену сбивает? Уж очень мне странно показалось. Сынок арендовал отель, потом от-

казался от аренды и везде растрепал, что здание плохое, сносить надо. Видел же, что берёт. Тогда в чём смысл?

Братья ушли в напряжённые размышления, и я им подсказала:

– Колесников сам хочет «Надежду» выкупить. Цену хорошую теперь если только лошара какой даст, а те времена, когда лоша́ры тут табунами паслись, прошли. Вот он и заберёт по дешёвке.

– Зачем ему «Надежда»?

– Так он дальше Носова прижмёт. У Носова одни пионерские домики, их разом снести можно за один день. И территория получится приличная. Дальше меня выгонит, чтобы мой скверик к территории прицепить, а дом – для особых гостей выделить. Получится обычный концепт Колесникова, только в мини-формате.

– Сколько Колесников даст?

– А я-то откуда знаю? Ждите, пока он соизволит предложить. Или сами к нему идите, но тогда он вас переторгует, отдадите за полушку.

Мысль продать «Надежду», хотя бы и за полушку, братьев нежно согревала. Пару лет назад Торюхины повелись на сладкие песни об инвестициях и задёшево купили отель, в котором сами по себе растут бабки. Отрезвление пришло после первого же сезона, когда они осознали, что вернуть своё не получится, а сама по себе растёт только грязь.

Немного покупавшись в мечтах об избавлении от гости-

ничного бизнеса, братья перешли к тому, что привело их ко мне. Оказалось, что это вовсе не вода, не труп и не мои шалости.

– Наташ, а ты в нашем дворе никого не видела?

– Нет.

– Мы вот странное заметили. Сторожа у нас нет, ты знаешь. Но ворота крепкие, забор высокий, а красть нечего. Позавчера мы обнаружили, что у нас половина двора выметена чисто-чисто, а на зелёной половине травинка к травинке уложена. Будто причесали всё.

– Думаете, фея чистоты выбрала ваш дворик для сказочного подарка? Полицейские там всё истоптали. Ну, подмели потом. Вы так удивились, что вам уже и причёска померещилась.

– Наташ, какие полицейские что подмели? Я тебе говорю: шарил у нас кто-то. Но что делал – непонятно. Даже в мусорном закутке чисто. И в подвале чисто. Ты же там недавно была. Паутину видела? Пыль видела? Да? А теперь там чистота и порядок. Будто убрался кто-то.

– Может, домовёнок?

– Пойди, сама глянь. Только сначала у своего забора удивись.

Мы дошли до общего куска забора, и я действительно удивилась. Часть моего дворика тоже была будто причёсана. Я перестала стричь газон, но вместо хаотичного травяного коврика видела ровные полоски. А я-то и не приглядывалась,

проходила, взгляд бросала, да и то обычно в темноте. Выходит, неведомая фея потрудились и у меня? Что за чертовщина?

Братьев моё изумление развеселило. Пока они хихикали, я присела и потрогала траву. Может, это инопланетяне постарались?

Семён присел рядом и заметил:

– Кто-то ищет у нас что-то небольшое. И мысль напрашивается, что это что-то воришка убитый или потерял, или выбросил, когда погоню почуял.

– Почему у меня? Забежать к вам от меня он никак не мог. Меня на забор Редди вытаскивал. И ловил, когда я спрыгивала. А я половчее воришки буду. Непонятно это как-то.

– Если только воришка не прятался какое-то время где-то здесь. Мог сидеть у тебя за досками. Или у нас в том же подвале. Хотя вероятнее всего, что он у Носова отсиживался. В одной из тех клетушек, что окнами в забор к улице выходят.

– Секундочку. Ты хочешь сказать, что по нашим дворам бродит убийца?

– И причёсывает нам травку.

– А вы Тараскину это рассказали?

– Мы на тебя понадеялись. У тебя ведь к Тараскину особый подход.

Семён мне свойски подмигнул. А я подумала, что будет

неплохо спрятать и его труп в том же подвале.

10. Кандидатка в мачехи

Решив, что спокойствие дороже денег, я приценилась к системам видеонаблюдения. Суммы в присланных вариантах поселили во мне невыносимое ощущение собственной бедности, и я принялась оптимизировать затраты. Увы, никаких возможностей для экономии не просматривалось. И оттого, что я прибавила к завалу бумаг на столе ещё десяток листов с расчётами, легче не стало.

В калитку настойчиво зазвонили. На видеофоне торчала незнакомая женщина. Я нехотя открыла ей дверь, жестом показав в переговорную.

На брюнетке была одета чёрная длинная юбка, чёрный жакет, а на её плечах красовался пёстрый платок с преобладанием красной гаммы. Рот брюнетки был обозначен ярко-красной помадой, а в ушах болтались крупные гроздьё пластиковые жемчуга.

И откуда этот колхоз на меня свалился?

Женщина повела плечами и томно сообщила:

– Знакомиться пришла.

– Предлагаю приступить. С кем имею дело?

Аристократично кивнув, брюнетка представилась:

– Роза я.

А я тогда Орхидеей буду. Историю проехали – цветочный базар, здравствуйте.

– Твой папа не говорил тебе обо мне?

Мой папа. Кто это? Когда я папу, вообще, видела? И он что, говорить научился?

Эка меня после Торюхиных в сторону нешуток несёт.

– Мы с Шурочкой любим друг друга. И Шурочка сделал мне предложение. Он человек и стеснительный, и гордый, ему было сложно поставить тебя в известность. Я решила сама обо всём сообщить. И какие бы препятствия не чинили нам вражеские силы, ничто не разобьёт наш союз любящих сердец.

Не понимаю. От меня аплодисменты требуются?

– Когда планируется торжество?

– Точную дату мы пока не назначили, но откладывать не хочется. Мы люди зрелые, ценим время, ведь жизнь так быстротечна!

– Роза, у меня нет никаких возражений. Ваше единственное препятствие – мой отец. Вы уверены, что он помнит, как вас зовут? И вас не смущает его репутация? Вам вряд ли удастся его изменить.

– Ой, деточка, не будем так официальны. Обращайся ко мне на «ты». И я всегда готова поддержать любого члена нашей большой и дружной семьи. Приходи ко мне со всеми своими вопросами!

– Всенепременно.

Роза болтала без умолку, а я, сделав внимательное лицо, присматривалась к потенциальной мачехе. Чуть за сорок,

полновата, но гибкая, подвижная. Много косметики, и макияж сделан с толком, взгляд отвлекается на красные губы, и кажется, что это небрежная обводка, но это продуманный штрих. Глаза подведены так, чтобы казались больше. И морщинки спрятаны. Занятно.

Она волнуется. Из-за чего? Боится, что взрослая дочка не разрешит папе жениться? Скорее надо бояться, что папа забудет, что хотел жениться на Розе, и Роза может внезапно обнаружить, что в её брачной постели оказалась Мимоза.

Даже сейчас, когда ему за шестьдесят, женщины уходят с ним после часа пустой болтовни и бокальчика вина. Кто-то из них убегает утром, кто-то остаётся на месяцы и годы, но для него это не имеет никакого значения. Он не спрашивает и не запоминает их имён. Хотя в его памяти хранится с десятков длинных поэм, которые он весьма выразительно декламирует, если надеется обольстить творческую дамочку.

– Мы бы хотели, чтобы ты со всей радостью, со всей своей широкой душой поучаствовала бы в нашем счастье...

И что я гадала, зачем она припёрлась? Это же ясно, как божий день. За деньгами. Только кукиш вам, а не моё участие. Папаша столько бабла разбазарил, а я ему свадьбу должна оплачивать? Обойдётся.

Выпроводив Розу, я задумалась.

Если отвлечься от постельных игр, в жизни отца было всего две женщины. Тетис – коварная девчонка, внёсшая в его праздное существование мощную драму, то есть меня. И Ма-

маса – та единственная, кто сумела разбить его сердце.

Тетис почти двадцать лет никто не видел. Наверное, я могла бы её найти. Но зачем? Я-то на месте, никуда не делась, под одним именем-фамилией живу. Если бы она хотела – объявилась бы сама.

Мамаса вышла за отца, когда мне было четыре года. Она была ко мне добра, и особенно любила подчеркнуть это на людях. Мы всегда вместе покупали мне подарки, она обязательно приходила в школу на собрания, она бравурно рассказывала, что девочка увлеклась рисованием. Но она же выстраивала барьер отстранённости, на который я с разбегу наткнулась, не понимая, что я сделала не так.

Мамаса была всецело погружена в проблемы моего отца. Она его спасала. Героически несла крест своей тяжёлой и непоколебимой любви. И я искренне верила – без Мамаси отец обязательно пропадёт, а с ним и я пропаду, и поэтому надо помогать Мамасе, как только можно. Нельзя расстраивать её, нельзя мешать её отдыху, нельзя отвлекать болтовнёй. Можно приготовить еду, убрать посуду, принести плед.

Рим подобрал очень точное слово: тихоня. Я была тихоней.

Мамаса ушла от отца в один день. И даже быстрее. Непоколебимая любовь разбилась в одночасье. Мамаса встретила лихого морского волка и вспыхнула новым чувством. По правде сказать, новый муж Мамаси был намного моложе отца, и как бы я ни была потрясена, некое женское чутьё под-

сказывало, что волк куда круче стареющего ловеласа. Увы, волк оказался пропойцей и дебоширом. И хотя на какое-то время Мамася расцвела и похорошела, новый крест оказался всё-таки тяжеловат.

Кстати. Что-то я давно Мамасю не видела. Надо бы наведаться, посмотреть, не спилась ли совсем. Кто, кроме маленькой тихони, оттащит её к наркологам?

Мысль о клинике окончательно меня расстроила. Работаю-работаю я одна. Денег нет. Семья в запоях, загулах и маразмах. По двору шастает злоумышленник. И какие-то мутные бабы просят денег на свадьбу. Что за жизнь?

Схватив телефон, я решила разделить проблемы с лучшим другом:

– Редди, а можешь узнать, кто такая Роза Крайнова? Она утверждает, что выходит замуж за моего отца.

– Дежурный богатырь Радимир готов приступить к выполнению вашего задания, трц генерал. Будьте уверены, всё будет исполнено в лучшем виде. В следующем тысячелетии.

– Ну, пожалуйста, Редди.

– Ладошка, не лезь ты в клоаки эти. Пусть папаша хоть на чёрте лысом женится.

– Да так-то оно так, но...

– Поехали, у Лукаса на яхте винца глотнём. Развеешься, а то голос что-то смурной. Начинай причёсываться. Буду через час.

11. Здравпросвет

Когда в сознании просыпается Наташка-нытик, я срочно активирую Наташку-бухгалтера. И впихиваю в мозг столбики цифр. Нытик падает в обморок, остальные Наташки прикрывают его жалкое тельце распечатками, и можно спокойно заниматься делами.

Обстоятельно разложив новый слой бумаг и черновиков на столе, я открыла все умные программки, и вот уже начала погружаться в спокойный поток «слева – дебет, справа – кредит», как от двери раздался голос:

– Привет.

Приёмный день был вчера. А сегодня я хотела побыть в тишине. Растяпа такая, калитку не закрыла. Вот Рим и просочился.

– Ты занята?

– Ага.

– Вот так основательно?

– Да. Надо кое-что подчистить.

– Твоя спина похожа на вопросительный знак. Встань и чуть-чуть походи.

– Дверь – сзади тебя.

Нет, я понимаю, что Романа Алексеевича не часто выставляют в столь грубом стиле, но мне-то что остаётся? Хмурься, не хмурься, а у меня баланс. Точка.

– У тебя какие-то неприятности?

– У меня всегда полно неприятностей.

– Отдохни, и оптимизм вернётся сам собой.

– Я вчера полдня угробила на то, чтобы затолкать мачеху под капельницы. А клиника для алкашей не настраивает на оптимизм, отдохнул ты или нет. Некоторых постоянных клиентов я уже в лицо знаю.

– Ты к Борису её отвезла?

– К Чуркину. Борисов мне не по карману.

– Если хочешь, я договорюсь.

– Какой смысл? Она вернётся к мужу, а он ей нальёт.

– Твой отец тоже пьёт?

– Да нет. Отец, конечно, тоже алкаш, но не того уровня распада. У неё новый муж.

Покосившись на три коробки вина, стоящие у стены, Рим скептически заметил:

– А ты наливаешь сама себе? И, похоже, в немалых количествах?

– Открой верхнюю коробку и возьми одну бутылку. Дарю.

– Спасибо, но...

– Бери, не сомневайся. И попробуй. Это хорошее вино.

Рим достал бутылку, потом посмотрел на часы и деловито сообщил:

– Ладно. Даю тебе время до шести.

– В смысле?

– В шесть я за тобой заеду.

– И что?

– Проведу сеанс ликвидации безграмотности.

Растолковывать это экзотическое заявление Рим не стал, исчезнув за дверь, которая теперь уже некстати оказалась слишком близко.

Раз уж меня пригласили на сеанс непонятно чего, я влезла в милое платьице, которое могло бы сойти даже за коктейльный вариант. Но Рим уверенно проехал все значные места нашего города.

Машина остановилась у небольшого здания на окраине. Доктор Колесников гордо сообщил:

– Моя будущая клиника.

– Круто. А «Надежда»?

– Ты мудро уберегла меня от совершения этой большой ошибки.

– А мы сюда... зачем?

– Я провожу занятие кружка «Здравпросвет».

Интересные у докторов ролевые игры. Это ведь то самое? Или я ошибаюсь?

Рим загадочно улыбнулся, кажется, угадав мои сомнения. И пообещал:

– Увидишь. Хотя нет. Почувствуешь.

Кабинет для массажа меня несказанно разочаровал. Уны-

ло вздохнув, я решила дать доктору Колесникову шанс, после чего вывесить на двери мастерской памятку: «доктора не впускать».

– Закрой глаза. Вдохни. Чувствуешь? Сосны. Как будто ты идёшь по аллее. И над головой торчат шишки. Хочешь шишку? Большую, крепкую, смолистую?

– Да.

– Не подсматривай.

В мою ладонь легло что-то большое и непонятное по форме.

– Держи. Сожми в руке. Нет, не стискивай, только держи. Чувствуешь, как легко дышится? Подыши.

После этой дыхательной гимнастики, совершенно меня не впечатлившей, Рим машинально включил интонацию врача и объяснил:

– Раздевайся. И ложись. Спиной ко мне, прелестями от меня.

Фи. Только гладить будет? И всё? А мыслишка была про другой интерес. Не скажу, что я этого прямо жду. Но ведь не просто так доктор Колесников счёл, что надо обо мне побеспокоиться? Ну, допустим, у меня в мастерской не та обстановка, мужчины всегда увереннее в своих берлогах. Так вот она я, наивная девушка, согласилась зайти практически в святая святых – и всё ради того, чтобы меня по спине погладили? Это как-то дезориентирует.

Движения рук Рима стали быстрее, энергичнее, и по мне

стали растекаться, расплзаться волны тепла. Но тепло это не было уютом мягкой утренней норки под одеялом, когда высунувшись, тянет залезть обратно. Это не было теплом большой вязаной кофты, которую не хочется снимать вечером, перед тем как нырнуть в ещё не согретую норку. Это тепло было стихийным, манящим и пугающим.

Я – магма... Один большой поток жизненной силы. Поток разделяющийся, закручивающийся, волнующийся, соединяющийся, и снова успокаивающийся. Я плыву по этому потоку, и поток плывёт, потому что я его направляю. Я повелеваю его силой, и он уносит меня туда, куда я укажу. Я поток, я сила, я движение...

Я – вулкан... Вырывающаяся магма, магма бушующая и протестующая. Магма, собирающаяся в гребни гор, и магма, вспенивающая океанские глубины...

Налетевший ветерок бодрит, освежает, остужает, и вместе с тем сглаживает валы, превращает их в гладкий рельеф. Воздух несёт успокоение...

– Всё, Ташенька. Полежи минутку. И вставай.

Что?

– Вот здесь полотенце, душ рядом. Иди, сполоснись тёплой водой. Под горячую не залезай, и слишком долго не стой. Какие-то звуки. Что происходит?

Я была я. Но всё-таки не я. Я была в каком-то непонятном теле.

Я села. И встала. И залезла в душ. Двигаться было непри-

вычно.

Сознание уползло в какую-то нору и оттуда тихо скулило, что у него тоже есть права. Участки мозга, отвечающие за тело, собрались на банкет по случаю ниспровержения этого жалкого тирана. За всем этим маячило бессознательное, ставшее вдруг не пеленой серого тумана, а весёлым цветным облаком.

– Садись. Чай, конфета. Сахар, конечно, яд, но и мозг без глюкозы – труха.

О чём это?

А можно отложить меня куда-нибудь в сторонку? У меня мысли куда-то разбежались. И без них я себя собой не ощущаю.

– Ну? Что чувствуешь?

– Не знаю.

Красивые у Рима руки. Ладони крупные, пальцы сильные, а жесты получаются мягкие, плавные. Выразительные жесты, даже если движения почти незаметны...

Нет, вот о руках лучше не думать. Лучше даже не смотреть на руки эти.

Рим отвёз меня домой, проводил до мастерской и распорядился:

– Никаких тяжёлых сумок. Не ешь острое и жирное, налегай на овощи и фрукты. Воды пей, сколько влезет. Если завтра утром растянешься, к обеду в себя придёшь. Пару дней полетаешь.

Я проспала десять часов. И ещё два провалялась в блаженной полудрёме, в цветных размытых пятнах неясных снов. Почитав про растягивания в интернете, я ограничилась сладкими потягушками, которые не нарушали моей сонной гармонии.

К обеду я поняла, что мне и впрямь хочется летать. Упоительная лёгкость движений дополнялась каким-то особенно ярким видением мира. Всё вокруг было светлым и волшебным.

Я перетрясла балансы. Я разобрала свою комнату. Я настрочила все письма во все инстанции. Я выбросила программиста и наняла нового. Я нарисовала, как хочу переделать мастерскую.

Я была права. Я люблю массаж.

Во всём этом приятном просвещении был один подвох. Вот просветилась я. Поняла, что массаж – это не то, за что тестомесы на пляже бабки собирают. А дальше мне что с этим знанием делать?

Я попросила Маринку позвонить по телефону Рима с визитки и выяснить, как он, вообще, ведёт приём и сколько это стоит. Ответила вежливая дама. Она сообщила, что Роман Алексеевич специализируется на заболеваниях опорно-двигательного аппарата, но приём пока не ведёт, так как оформляет бумаги, необходимые для открытия клиники. А вот массажем он не занимается. Это не его профиль.

Вот этого я вообще не поняла. Такое чудо – а он не занимается?

Мне-то теперь куда с этим? Я, может, ещё хочу.

Соблазнить, что ли, цезаря? Вопрос, чем соблазнять. Женских тел он наверняка навидался. И моё хлипкое и несобранное тельце, похоже, не производит на него нужного впечатления...

С чего такие мысли нахлынули? О бухгалтерии надо думать! О бухгалтерии!

А насчёт Рима незачем обольщаться. Он со мной возится, потому что я его бабушку вспомнила. Я пятно откуда-то из его детства. Он ведь так прямо и сказал: Ташенька. Что-то маленькое и пушистое. Тьфу.

12. Перерытые столы

Свежие новости полагается распространять в понедельник с утра. Так считает Володя Носов, хозяин «Красной Кордилины». Не успев проснуться, я оказалась в гуще новостей о ходе расследования.

– Нашли менты, как воришку звали, где сидел и всё такое. Ну, псих законченный, натурально в дурке лечился. И дважды осужден за кражи. Больной на всю голову, хотя с сюжетом замысловатым. Чёрные риелторы кинули его ещё в девяностые. И он вроде как мстит им, выбирает мужика, внешне чем-то на обидчика его похожего, и крадёт у него бумажник или барсетку. Документы рвёт и портит, деньги пропивает.

– Несчастный человек. Не нашлось ему места в нашем мире.

– В прошлом году он снимал койку в частном секторе, далеко от моря, у лимана. Платил аккуратно, но ночевал не всегда. Питался где-то отдельно, иногда приносил хлеб и сыр. Но в этом году хозяйка его выгнала. И ещё две выгнали. Он бомжевать начал, и по всему выходит, что где-то недалеко от нас.

– Да где угодно мог бомжевать. Известно, что и у кого украсть мог?

– Кто ж его знает. Ты насчёт травы неладное заподозрила. А я тебе вот что скажу. У меня весь дом обыскали.

– Батюшки...

– Меня неделю не было, я только в пятницу приехал.

Смотрю – тут неровно, там неопрятно. Документы все на месте. И сейфа жулик не нашёл. Но что-то же искал?

– Траву прочесали, за дома взялись. Плохо дело.

– Все столы перерыты, все шкафы просмотрены.

– А ты в полицию заявил?

– Нет. У меня не пропало ничего. Зачем мне их носы в свои дела впускать?

– Слушай, а вдруг это убийца ходит? Раз убил – и ещё раз убьёт.

– Вопрос, что он ищет?

– Да чёрт его знает. Если бумажник или сумка были украдены, то документы, скорее всего. Но вряд ли паспорт, его в траву не спрячешь. Скорее, карточку банковскую. Хотя тоже непонятно – потерял, заблокировал, новую сделал.

– А вдруг камень драгоценный? Или кольцо какое-нибудь дорогое?

Носова, похоже, согревала мысль найти на заднем дворе потерянную драгоценность. И в полицию он её точно не понесёт. Сразу к оценщику побежит.

– Натаха, а вы с Редди ничего подозрительного не заметили, когда там были?

– Труп в одеялах отвлёк наше внимание, и мы к другим подозрительностям не присматривались.

– Может, прошли и не заметили?

– Так если бы заметили, ты бы знал.

– Ну, может, заблестела где-нибудь искорка? Может, цветное пятно мелькнуло? Листок бумаги не на месте?

Ох, как хочется Володе найти сокровище. Искорку увидеть, перо жар-птицы найти, на царевне жениться и забыть обо всех этих мерзких отдыхающих.

– Да нет, Володя, ничего там не было. Пустота.

Покопавшись в завале бумаг, я протянула ему пачку бланков:

– На, пока я добрая. Статистика новые формуляры выпустила. Отчёты придётся переделывать.

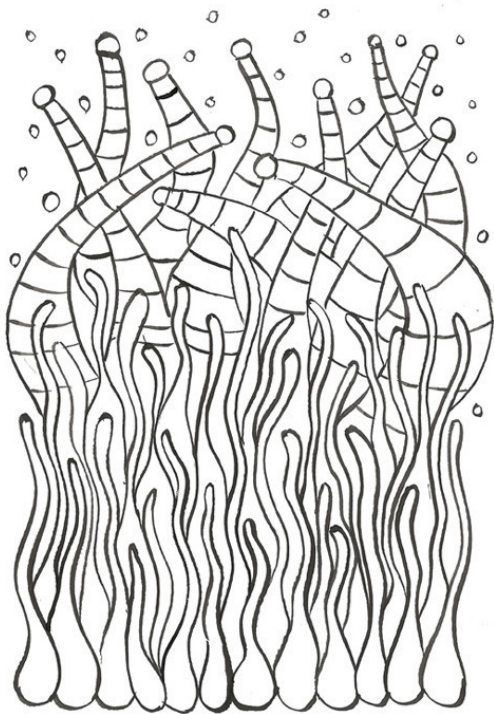
Сосед мгновенно забыл о сокровищах:

– Издеваются они, что ли? Дармоеды ползучие!

Вздохнув вслед Володе, я задержала взгляд на вавилоне из бумаг на своём столе. Я его строила уже несколько лет. Официальные документы и отчётность я хранила у Редди, а в мастерской оставались черновики, записки, распечатки, рекламки и прочая ерунда. Можно было бы выкинуть всё разом, но мне почему-то было уютнее в гнезде из бумаги.

Если неведомый искатель чего-то непонятного придёт ко мне, его ждёт кропотливая работёнка. И будет смешно, потому что он ничего не найдёт.

Глава 2

13. Дорожное происшествие

Я люблю ходить пешком. Потому что не люблю водить машину. Права у меня есть, и купить машину я могла бы, но вожу я плохо. Несколько раз я несильно, но била машины друзей, после чего отказалась от экспериментов по накачке себя адреналином. Гораздо увереннее я чувствую себя на пассажирском сидении. А если за рулём Редди, так я вообще орлица. Водит он легко, но с несвойственной ему серьёзностью. И он никогда не пьёт за рулём. Поэтому иногда мне приходится пить за двоих.

Редди надо было стогнать на винодельческую ферму, и он позвал меня с собой – надо же было кому-то уважить хозяев. Я науважалась до того, что пыталась спеть нечто внезапно народное на неизвестном науке языке. Хозяева фермы остались в полном восторге, Редди досмеялся до икоты, но всё хорошее рано или поздно кончается.

Обратная дорога казалась мне если не жёлтой лентой в город с зелёными человечками, то волшебной тропой сквозь лес с единорогами. Я опять же что-то пела, рассказывала Редди какие-то пошлые и неприличные анекдоты, выбалтывала смешные сплетни. Он веселился, и всё было здорово. Как всегда в таких поездках.

Удара я не почувствовала. Просто стало нечем дышать. Исчезли свет, звуки, чувства. Где-то в глубине сознания

пискнул тщедушный мышонок. Потом замигал сигнал тревоги.

Подушка сработала. Это авария. Мы слетели с дороги.

– Эй, Ладощка, ты живая?

– Не знаю.

– Выпрыгивай и беги. Слышишь? Давай, пошла!

Выбраться из машины. Обойти кругом. Открыть дверь.

Это что, теперь дверь? Это измятый листик металла.

Открыть дверь. Открыть дверь. Открыть дверь.

Оторвать дверь...

Зачем эта глупая дверь на меня упала?

Лицо и руки Редди залиты кровью. Сидит неподвижно.

– Уходи, Ладощка.

– Я тебя не брошу.

– Уходи!

Ноги. Надо вытащить ноги. Левая точно сломана.

Теперь подтянуть туловище к проёму.

Я знаю, что больно, потерпи.

То, что осталось от руки, собрать в кучу.

Ну же, давай. Раз, два, взяли. Раз, два, сама пойдёт.

Это Наташа в дурдом пойдёт. Сама. Может быть.

Раз!

Глупый Редди, зачем ты на меня упал?

Раз, два, три. Когти рви. Как хорошо, что Редди нацепил эту дурацкую куртку.

Раз, два. Трава. Хорошо, что здесь трава, а не гравий.

Раз. Это вам не адидас. Хорошо, что я в кроссовках.

Вроде продвигаемся, да?

Раз, раз, раз, свет погас. Какого чёрта? Какая гнида свет выключила?

Это я мордой в земле лежу. Вставать надо.

Потом я махала руками, отвечала на вопросы, называла номера телефонов. Меня трясло, я мыла руки в каком-то туалете. Я переделалась в рваный халат, мне сделали узи и рентген, сказали, что всё хорошо. Я переделалась обратно в окровавленные джинсы, я снова отвечала на вопросы. У меня взяли кровь. Мне дали несколько пластырей.

Семья Редди ждала в холле недалеко от операционной. У главной виновницы всех бед галактики не было права ждать в холле, и меня сразу же изгнали. Я сидела на банкетке в приёмном покое, положившись на милость медсестёр. Не знаю, сколько прошло времени, пока одна из них не присела рядом и не сказала, что операция закончена, состояние пациента стабильное.

Я встала и пошла домой.

14. Редди

Все знают, что Редди – моя первая любовь, мой первый любовник, и уж наверняка – мой первый муж, ибо сколько верёвочке не виться, а однажды мы набегаемся, остепенимся, поженимся и нарожаем кучу ребятишек. Собственно, что ещё нам остаётся?

Мы подружились ещё подростками. Отец ходил чинить проводку в отеле, которым владела мать Редди. Я помогала в роли принеси-подайки, а Редди болтался рядом. Слово за слово, шутка за прибауткой, и мы обнаружили, что можем общаться легко и непринуждённо. Он учился в другой школе, но жил неподалёку. И мы стали проводить много времени вместе, разговаривая, гуляя, проказничая. Но не забредая в вопросы разнополости.

Влюблялась я в других мальчишек. В спортивных, сильных, уверенных в себе капитанов. Увлекалась я часто, но ненадолго. Один избранник прямо на моих глазах съел козявку из носа. Другого стошнило после неудачной дегустации вина. Третий почесал брюки сзади, а потом потянулся к моей тетрадке. Я спасла тетрадку, начисто излечившись от желания красоваться перед грязнулей. И так далее.

После своего шестнадцатилетия я честно призналась Редди, что не чувствую в себе никаких порывов к тому, о чём говорят все вокруг. Меня не тянуло к мальчишкам. Я не хо-

тела обниматься с ними, мне вообще не нравилось, когда до меня дотрагивались. Я знала всё о сексе, я неоднократно подглядывала за развлечениями отца, я видела самые разные выкрутасы отдыхающих, но мне всё это казалось нелепым и бессмысленным.

Редди меня не понял, но поддержал. Сказал, что некоторые мальчишки из его школы очень даже впечатлены моей красотой. Наврал, конечно, но приятно. У самого Редди была другая проблема. Он знал всё о сексе, он хотел секса, но фигуристые девчонки, которые в его фантазиях бегали за ним и бросались в него трусиками, в реальности высмеивали все попытки Редди не то, что поухаживать, но хотя бы постоять рядом.

Обсудив всё хорошенько, мы решили помочь друг другу. То есть заняться сексом. Для чего же ещё нужны хорошие друзья?

В шестнадцать я была похожа на тонкого кузнечика с неловкими руками и слишком длинными ногами. Редди был колобком – плотным энергичным коротышкой на полголовы ниже меня. Мы оба были неопытны, но любопытны. И нам помогало здоровое чувство юмора. Не сразу, но у нас всё получилось.

Иногда детям надо только дать себе время вырасти. Однако это мы сейчас такие умные, а в шестнадцать казалось, что секс-поезд уходит, и мы на него явно опаздываем. Мы взяли и запрыгнули на подножку вместе. Хорошо, что тогда

об этом никто не узнал.

Редди ушёл в армию. Он мог позволить себе любую отмазку, но хотел проверить себя. Он не просил его ждать, лишь разумно напутствовал, чтобы я была осторожной. Я пару раз попробовала секс с курортниками. Физиологические реакции срабатывали, но голова оставалась холодной, и от этого всё казалось скучным.

Фейерверк чувств накрыл нас с Редди, когда он вернулся. Вернулся статным, спортивным, уверенным в себе мужчиной, за которым сразу начали бегать легкомысленные красотки. Но и вместо кузнечика его встретила чувственная Ладоска, теперь уже на полголовы ниже, зато со всеми нужными женскими формами. Я хотела обниматься, целоваться и заниматься сексом хоть целый день.

Какое-то время мы были поглощены друг другом. Потом постепенно охладели и начали ссориться. Дошли до края, разошлись... и снова вернулись к разговорам, прогулкам, проказам, уже не путая секс и дружбу.

В пору расцвета нашей влюблённости чёрт дёрнул нас забраться на дорогую виллу очень важной персоны из правительства. Редди уверял меня, что отключил сигнализацию, что никто не узнает о нашем приключении на гигантском ложе под бархатным балдахином. Увы, кроме сигнализации на вилле оказался охранник, который перепугался и вызвал полицию. Полицейские первым делом запечатлели наши с Редди объятия под балдахином. В отчёт также попали

ню-фото меня в наручниках, ню-фото Редди, лежащего у ног полицейских, да и вообще, много чего в тот отчёт попало.

Посмеявшись, начальник отделения нас отпустил. А заодно и прославил.

С аварией мы с Редди перешли на новый уровень славы. Один из федеральных телеканалов украсил свою недельную сводку происшествий коротким видео с нами в главных ролях. Безжизненное окровавленное тело. Плачущая окровавленная девушка. И сзади пылает всё, что только может пылать.

Этот ролик списали к себе в домашние альбомчики все наши друзья и знакомые. Мы же там так здорово получились. Редди так выразительно лежит. И я так трагически красива. Достоинно увековечивания.

Все знают, что Ладощка и Редди – это навсегда.

Но как не хочется, чтобы это так быстро написали на нашем памятнике!

15. Песок и волны

Цифры. Числа. Спасительная математика. Буквы. Слова. Умная литература. Совместными усилиями всех других Наташек убить Наташку-нытика! Нет, не получается? Сильна, зараза. Подпиталась негативом.

Звонят в калитку. Принесло кого-то. А день утешения был вчера.

Рим протянул мне коробку конфет:

– Я узнал о происшествии. Помощь нужна?

– Нет, спасибо.

– Ты одна?

– И очень этому рада. Вчера орда сочувствующих сожрала весь мой запас продуктов.

– Давай. я привезу.

– Я уже ходила. У меня всё есть, не беспокойся.

Рим устремил на меня внимательный взгляд и изрёк:

– Слушай, оставь все дела. Тебя сильно потрянуло. Не мешай организму восстанавливаться. Тебе надо отлежаться, отдохнуть, успокоится.

– Как же это надоело... Да не волнуюсь я. У меня несколько синяков и только. И Редди отделался простыми переломами. Опасности нет, операции позади, он в сознании, и всё под контролем. Ну почему все думают, что я должна биться в нервной трясучке?

– Потому что трясучка – нормальная реакция нервной системы. А вот твоё холодное спокойствие указывает на то, что ты подавляешь все реакции и эмоции. И это ведёт к психическим вывертам вроде посттравматических панических атак.

– Меня тряхнуло. И я ничего не понимаю в твоих заумностях.

– А массаж хочешь?

Да! Да! Хочу. Ой, нет. Наверное, не хочу.

– А синяки не помешают?

– Заодно я на них своим опытным взглядом врача посмотрю.

Может, ему кота завести? Ну что он ко мне со своей заботой прицепился? На синяки он посмотрит. Слов нет. Красота синяков, конечно, спору не вызывает. А вот общий-то вид печален.

Но я всё равно уныло согласилась.

Кабинет показался мне уже привычным местом. Я нацелилась было забраться на массажный стол, но Рим сказал, что ещё рано. И неторопливо занялся изучением моего тельца. Послушал сердцебиение спереди и сзади, измерил давление, потыкал в моё горло деревянной лопаточкой, поизучал, как у меня прицеплены руки и дёргается ли мой правый глаз, если ткнуть пальцами куда-то в левый бок. А если свести пятки, я смогу присесть? А если резко нагнусь, меня стошнит? А меня часто тошнит? А после аварии тошнило?

А голова у меня не кружится?

Эта диспансеризация меня и злила, и озадачивала, и дико смущала. Я даже решила, что если дойдёт до вопросов о том, что ниже пояса, мне придётся сбежать.

Проставив какие-то мысленные галочки, Рим спокойно кивнул на стол: «Теперь ложись», после чего отправился мыть руки и болтать по телефону.

– Короче, заманил я к себе вашу беглянку. Да, проверил. Нет, можешь успокоиться. Особых проблем не вижу. Дома отлежится, если будет лежать. Но заметь на будущее, что надо бы посмотреть на кардиограмме...

Минут десять Рим обсуждал с Доном какие-то тонкости моих сердечных ритмов. На специальном медицинском языке, которого простые смертные не понимают.

Эй, а ничего, что я тут лежу? Мне холодно. И неприятно. И неудобно.

Закончив разговор, Рим соизволил объяснить:

– Ты ушла из больницы, а надо было на приготовленную койку запрыгнуть и лежать в ней ковриком.

– Мне никто не сказал.

– Всё, умолкни. Классический массаж тебе не показан. Займёмся экзотикой.

Лёгкие прикосновения казались детской забавой. Маленькие бабочки садились на спину, руки, ноги. Но не щеко-тали, только обозначали своё присутствие. И под их лапка-ми я пересыпалась, перемешивалась, собиралась в малень-

кие горки и снова рассыпалась. Я превратилась в песок.

А потом тонкая волна смыла все неровности, превратила песок в упругую материю и откатилась. Волны набегают на берег, а потом уползают обратно. Годами, тысячелетиями, эпохами. И так спокойно, так легко быть волной...

На этот раз моё сознание не стало никуда уползать. Оно нацепило маечку «Мне хорошо, ни с чем не приставайте». По дороге домой Рим пытался завязать разговор, и я пообещала ему рассказать все сплетни о всей администрации города, но только не сегодня. Сегодня я могла издавать только междометия: «Ага», «Угу», «Ого».

Такого же чуда, как в прошлый раз, не произошло. Я не летала, и синяки по-прежнему болели. Зато я стала спать ночью, по восемь часов, без каких-либо сновидений. Лишь под утро мне грезилось, что я иду по песку рядом с красивым мужчиной.

Не хочу я быть пациенткой. А чего хочу? И сама не знаю.

16. Тетис

Персонал разъехался на зиму, и отвечать на все звонки приходилось мне самой. Часть я пропускала, потому что ленилась дотянуться до рабочего телефона или забывала его зарядить. Постоянные гости знали, что заявки надо посылать на электронную почту. А новых в это время года ждать не приходилось.

Время от времени я давала себе зарок быть аккуратной хозяйкой и не пренебрегать телефонным общением. Зарок работал максимум сутки, но я всё же обновляла его и обновляла. И очередному звонившему повезло. Я как раз только что смахнула пыль с мысленной вывески «Наташа, отвечай на звонки! Отвечай, тебе это надо!».

– Отель «Весёлые Ладшки». Чем могу помочь?

– Мне надо связаться с Натальей Ладшкиной.

– Сообщите, пожалуйста, ваше имя и контактный телефон, а также, по возможности, ваш вопрос, Наталья Александровна вам обязательно перезвонит.

– Мне бы хотелось лично с ней пообщаться. Могу я узнать её номер телефона?

С какой луны эта женщина упала? За разглашение хотя бы одной цифры из моего личного номера я премий лишаю. Ишь, чего захотела. Номер мой. Да это святое!

– Наши правила конфиденциальности строги и гаранти-

руют неприкосновенность личных данных.

– Когда я могу застать Наталью? В какое время мне перезвонить?

– Сезон закончен, и отель закрыт. У Натальи Александровны нет строгого графика, и я не могу посоветовать вам ничего определённого.

– Хорошо. Запишите. Меня зовут Тереза Майер-Соболевская. Наталья может знать меня как Терезу Волошину. Мой номер у вас определился. Нам с Натальей необходимо обсудить личные вопросы. Передайте ей обязательно. Я буду ждать её звонка.

Тереза. Волошина. Мать моя, женщина... Нет, то есть натурально – мать. Моя мать. Мать её. Мааать!

– Вы записали?

– Да незачем, я не забуду. Я и есть Наталья. Что за личные вопросы?

– Ты ведь знаешь, кто я.

– Женщина, которая меня родила. Да, знаю.

– Я хочу познакомиться с тобой. Узнать, что ты за человек. Попытаться наладить отношения.

Деньги? Ей тоже нужны деньги? Нет, нельзя быть такой циничной. Ну, мало ли, может, кирпич ей на голову упал, просветление снизошло, потянулась душа к родному человеку.

– Наташа, я понимаю, это неожиданно для тебя. И не просто. Но я думаю, у тебя есть вопросы. Я постараюсь дать от-

веты.

– Хорошо. Приезжай.

– Я бы хотела, чтобы ты приехала ко мне. У меня большой дом, места хватит.

Начинается. Ей отношения понадобились, не прошло и двадцати лет. А я, значит, всё бросай, в самолёт прыгай.

– Сейчас у меня много дел. Всё распланировано. Через месяц-полтора будет окно. Я сообщу конкретные дни. И я остановлюсь у друзей. У них большой дом, к которому я привыкла.

– У тебя есть два брата. Ты, наверное, захочешь увидеться с ними.

Какая интересная постановка вопроса. Не успела ты, мать, свалиться мне на голову, как уже пытаешься продиктовать, чего мне надо захотеть.

– Тереза, я пока сформулирую свои вопросы.

– Я прочитала в интернете, что ты директор отеля. Это успех для твоего возраста. Я рада, что ты добилась так многого.

А если бы я сидела за грабёж, тебя, мать, не потянуло бы наладить отношения? Приятно обнаружить успешного ребёнка в готовом виде, да?

– Расскажи коротко, кто ты?

– Психолог, писатель, критик. Я занимаюсь различными телепроектами. Культура, искусство. Возможно, тебе знакомо моё лицо, только ты не знала, что я – твоя мать.

Так-так. Задекларировала всё-таки именно эти отношения. Ты – мать.

– Я дитя интернета. Посмотрю на досуге.

– Тебе надо о многом подумать. Позвони мне, как немного разберёшься.

Послушав короткие гудки, я набрала в поисковой строке: Тереза Майер-Соболевская. Выпали ссылки на сайты женских журналов, психологические передачи, эзотерические тесты, телевизионные анонсы.

Я нашла страницу матери в социальной сети. Ухоженная женщина горделиво рассказывала о своей счастливой семейной жизни, делилась впечатлениями о поездках, рассуждала о благотворительности. Друзья восхищались тем, что ей удаётся совмещать материнство и карьеру, но в целом это был типичный профиль человека, которому важен красивый фасад.

Что ж, мать, пришло время познакомиться поближе. Залезть под красивую оболочку и побродить по дому с привидениями. Кто знает, что там спрятано.

Если ты с миром, то так тому и быть. Я в любом случае тебе благодарна. Я живу – и это данность, которой я обязана тебе. Если тебе нужна помощь – я помогу. Но если у тебя какая-то своя игра, не обижайся, я в неё играть не буду.

Началось всё четверть века назад. Подросшие детки, окончившие первый курс, воображали себя совсем взрослыми.

ми. Они придумали отличный план. Поехать на море всем вместе. Встречать рассветы, провожать закаты и жить на свободе.

Рассветы у нас всегда прекрасны, но одна детка кое-чего не учла. Она никогда раньше не ночевала в палатке. Ей было жёстко и холодно, она боялась насекомых, и у неё не было мягкого одеяла.

Дня через три своих терзаний заплаканная дева в беде встретила на пляже мужественного капитана, который тут же предложил деве занять его апартаменты. Он не мог допустить, чтобы дева страдала, и согласен был уступить ей своё роскошное жилище с мягкой кроватью и тёплым душем. Разумеется, вечером капитан корректно удалился, хотя его взор и пылал нежным обожанием к прекрасной деве. Ну и кто бы устоял, как говорится.

Мастеру курортных приключений было тридцать восемь. И обычно женщины уходят от него без ломания копий и сожжения мостов. В назначенный день студентка уехала, с грустным взором, но без драмы на сердце. Приключение было, приключение сплыло, пока, любимая, не вспоминай меня.

Тереза вернулась на майские праздники и вручила обалдевшему ловеласу кулёк с младенцем. Ей некуда было деть ребёнка. Если бы её строгая мать узнала о рождении внучки, то она бы сильно рассердилась и отругала дочурку. Новогодние каникулы Тереза якобы провела у подруги, но сно-

ва и снова откладывать визит домой было рискованно. Да и летняя сессия маячила впереди. Не бросать же учёбу из-за недоразумения?

Отец, пребывая в стрессовой прострации, сходил и оформил свидетельство о рождении, заменив какие-то нужные справки купюрами с портретами американских президентов. А потом проводил Тетис на вокзал. Морская богиня Тетис ассоциировалась у него со стихией и хаосом. Поэтому он Терезу так и прозвал – чтобы как-то отличать от заек и кошечек.

Тереза появлялась ещё три или четыре раза, всегда летом и наспех. Она уверяла, что скоро заберёт дочку с собой, что ей надо только доучиться, что она не оставит малышку, что она заберёт её в хорошую жизнь. Но когда время учёбы прошло, Тереза перестала приезжать.

Отец несколько не грустил по этому поводу, сплавив меня Бабане. Потом появилась Мамася, и упоминать Тетис стало неприличным. В раннем детстве я не слишком интересовалась, куда она делась. А когда подростком стала задавать вопросы, оказалось, что ответов нет, как нет и никаких контактных данных Тетис. Остались только три фотографии, свидетельство о рождении и я.

Но вот Тетис выплыла из какого-то своего хаоса на наши берега. Почему? Зачем? Что несёт мне этот неожиданный вираж?

17. Подозрительная авария

Звонок Тараскина показался мне странным. Совсем в полиции людей, что ли, нет? Почему он один должен разбираться и с трупами, и с авариями? Должна же быть какая-то специализация?

Я притащилась в полицию, и Тараскин загрузил меня бездной рутинных вопросов, которые ему вот обязательно нужно было мне задать. Кто был за рулём, кто сколько выпил, кто пристегнулся, кто отвернулся. Занудство.

– Вы видели, что происходит на дороге?

– Нет. Я болтала и смотрела в другое окно.

– Вы видели другие машины незадолго до аварии?

– Может, и видела. Но я выпила много вина, и нечётко представляла себе, что происходит вокруг.

– А Редди пил вино?

– Нет.

– Редди ведь часто ездит по этой дороге?

– Не часто, но регулярно.

– О его поездке было известно заранее?

– Редди предупредил меня за неделю.

– Кто-то ещё знал о вашей поездке?

– Друзья Редди могли знать.

– Вы можете оценить скорость машины в промежуток времени до аварии?

– Скорость была небольшой. Редди гоняет только на прямых и пустых трассах. Он аккуратный водитель.

– Вы можете оценить состояние машины перед поездкой?

– Нет. Я плохо в этом разбираюсь. Но Редди относится к машинам бережно. Вряд ли что-то было неисправно.

– Сколько у него машин?

– Три.

– Он выбирал машину для этой поездки?

– Да. И выбрал самую дорогую и престижную. Ему хотелось немного покрасоваться.

Тараскин показал мне фотографии с места аварии – сгоревший остов машины сбоку, спереди, сзади, сверху.

Приятных ночных сновидений, дорогая пострадавшая.

– Вы не сами по себе вылетели. Вот здесь – след от удара другой машиной. И на дороге остался её тормозной след. Вас подтолкнули, и пара экспертов считает, что это было сделано специально. Эта другая машина пошла на обгон, Редди сместился вправо, пропуская её. Но когда она поравнялась с вами, она вильнула вправо, и правой стороной передней части врезалась в вашу левую дверь.

Была ли вторая машина? Видел ли её Редди? Я-то понятия не имею.

– На этом участке дорога не прямая, есть не то, чтобы поворот, а изгиб. Вашу машину развернуло и бросило направо, в то время как дорога ушла чуть левее. Вы кувыркнулись, а другая машина спокойно уехала.

– Вы считаете, что это была намеренная авария?

– Да.

– Но зачем?

– А вот это интересный вопрос. Вы знаете, чем занимается ваш друг?

– Он спасатель.

– Периодически – да. А чем он занимается в остальное время?

– Наслаждается жизнью.

– Он много ездит, встречается с большим количеством разных людей. Эти поездки не похожи на увеселительные.

– Я не вникаю в его дела. А то, что мы иногда обсуждаем, не подлежит разглашению.

– Редди говорил вам об угрозах в свой адрес?

– Нет.

– Вы попадали в какие-нибудь сомнительные инциденты?

– Нет.

– Кто-либо из знакомых Редди испытывает к нему выраженную неприязнь?

– Он весельчак, душа компании, человек без проблем. Ему частенько завидуют, причём даже те, кто заведомо богаче, у кого высокий социальный статус. Иногда он раздражает людей, есть такое.

– Я рассматриваю аварию как покушение на убийство. И самым вероятным мотивом этого покушения являются какие-то дела вашего друга.

Покушение? На Редди? Ну, допустим. А меня за что? За компанию?

– Но есть ещё тот момент, что вы и Редди вытащили на свет тело, о котором никто не узнал бы, если бы не ваш энтузиазм в изучении чужих закоулков. Вы свидетели, и вы могли увидеть что-то, что вам кажется неважным, а для убийцы представляет опасность.

– Что мы могли увидеть? Тюк, из него нога торчит. Вот и всё.

– И тем не менее. Сядьте дома и внимательно запишите всё, что сможете вспомнить и описать. Каждая деталь важна. Лучше я утону в ваших описаниях тысячи травинок, чем мы пропустим крохотный ключик.

– Хорошо.

– Вы с Редди часто путешествуете по чужим домовладениям?

– Нет.

– Но вы не первый раз оказываетесь в пустом доме без разумных объяснений причин вашего интереса к чужой недвижимости. Припомните ваши экскурсии за последнее время. Быть может, вы стали свидетелями чего-то другого, что тянет на мотив убийства?

– У нас не было других экскурсий.

– Будьте осторожны, Наталья Александровна. Вполне возможно, что ваша живучесть раздражает убийцу, и он пойдёт на новое покушение.

То есть Тараскин без работы не останется. Видимо, поэтому он так радостно мне улыбается.

18. Сила духа

Всё бывает в первый раз. Редди первый раз попал в больницу.

Оказалось, что довольно сложно остаться неутомимым весельчаком, когда ты зависишь от равнодушных девиц, бесстрастно втыкающих в тебя катетеры. И когда зверски чешется левая рука и левая нога, замурованные в гипс. И когда все твои близкие находят особенное удовольствие в издевательствах над беспомощным человеком.

Друзья и знакомые звонили мне в печали и тревоге. В больничной постели их встречал измождённый страдалец, сопровождающий любые речи тяжёлыми вздохами и многозначительными паузами. Многие начинали мне рассказывать о том, что в любых испытаниях важно сохранить силу духа. А Редди упорно не желал проявлять эту самую силу духа. Да что там силу. Многие не могли найти хотя бы какой-то призрачный дух.

Мама сидела у его постели часами, уговаривая сынулечку проглотить хотя бы ложечку каши. Кашку мама варила на травяном настое. Травки для настоя покупала в монастыре. И сия благословлённая, намоленная еда должна была обязательно помочь больному ребёнку. Если только он заставит себя её проглотить.

Сестра утопала в слезах, держа Редди за здоровую руку

и рассказывая ему о том, как важна очистка чакр, приём чудо-порошка из Китая и любование позитивными рисунками котиков.

Отец принёс сыну несколько каталогов автомагазинов, посвятив пару часов актуальнейшей проблеме, какую новую машину загипсованному Редди нужно вот прямо сейчас купить.

Семья Редди полагает, что я – плохая девчонка, к которым тянет хороших мальчиков из хороших семей. Раз уж потянуло, делать нечего, но Редди – мальчик благоразумный, и у него это скоро пройдёт. Поэтому обычно я стараюсь не пересекаться с его семейством. Но не бросать же дружка совсем на произвол судьбы? Я посещала его в вечернее время, когда это, в общем-то, запрещено. Хорошо, что у нашей больницы свои особенности. Иногда после девяти вечера наступает половина четвёртого.

Легко постучав по двери палаты, я заглянула и шёпотом спросила:

– Эй, мумия, колбаски хочешь?

– Давай быстрее. И где тебя только носит? Неужели нельзя соблюсти строгий график кормления лучшего друга?

– Держи свои калории. Котлета, пюре, и салатик вот здесь. Соком запьёшь.

Соседи Редди по палате, наблюдая цирк с явлениями поочерёдно то мамы с кашкой, то подружки с лотками еды, по-

смеивались и отпускали не самые приятные шуточки. Но я понимала, что многие завидуют Редди, поэтому старалась быть незаметной. Редди мне в этом не помогал.

– Сядь сюда. Потискаю тебя хоть немножко.

– Уймись. Дон сказал, что всё хорошо. Скоро ты встанешь.

– И зачем ты его на меня натравила? Мало мне всех прочих консилиумов?

– Он здесь работает. Очень полезная опция.

– Ты к Тараскину ходила?

– Да, но я не понимаю, за что нас можно убить.

– Загадка, зачем нас убивать так? Авария – это риск и для того, кто её устроил. У той, второй машины, должно было половину морды разворотить. И мы выжили. Всё это не похоже на умный план. Я успел подумать, что как ты частенько остаёшься совсем одна в отеле, так и я ночую там, где даже ты меня не найдёшь. Зачем нападать на нас на дороге?

– Ты не вспомнил ничего про труп?

– Нет. Но мне пришло в голову, что Колесников может знать больше, чем говорит. Все относятся к нему, как к новичку, но он здесь вырос, и тело оказалось на его территории. Может статься, что доктор не так прост, как кажется.

– Да вряд ли, ему бы всё о скелетах болтать.

– В деле твоего оболыщания он не продвигается?

– Слушай, я уже мысленно на всё согласилась. А он – «массаж, массаж». Нет, массаж классный, никто не спорит. Но он же не оболыщает, он не то лечит, не то воспитывает.

Я не понимаю, чего ждать, и как себя вести.

– Ладошка, так он тоже не понимает. Чувствует, что несёт его куда-то, но пока ещё не догоняет, куда и зачем.

– Ты, правда, думаешь, что он может быть опасен?

– Не знаю. Но присматривайся, мало ли что. И молоток держи под рукой.

– Ладно. Мне пора, побегу. Держись, мумия.

– Если вдруг что-то стрясётся, Лукас поможет.

– Ничего больше не стрясётся. Всё будет хорошо.

19. Топа-топа

Бабаня бывает на редкость непрошибаемой. Но если какое-то её двадцать пятое чувство улавливает, что все вокруг чем-то взбудоражены, то флюиды этой взбудораженности умножаются в ней на два порядка, и она вносит в общую нервозность свой, весьма значительный вклад.

Где Редди? Не обидела ли я мальчика? Не обидел ли меня мальчик? Я должна понимать, что приличные девушки не позволяют себе ничего лишнего до свадьбы. А, кстати, когда уже я сделаю Редди предложение? Ведь мне нужно будет сказать ему «нет». Я слишком хороша для этого шалопаю. Куда запропастилась кастрюля с жёлтым грибочком на розовой ножке?

Запропастилась не только кастрюля. Часть постельного белья оказалась сложенной на заброшенной помидорной грядке. В кухонном шкафу оказались крючки и грузила покойного деда. Смешались все документы и фотографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.